

МОЛДАВСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 2 (80)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИНЦА“
КИШИНЕВ * 1961

ИЗВЕСТИЯ МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР

№ 2 (80)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ШТИИНЦА“
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961

Г. С. ГРОСУЛ, Р. В. ДАНИЛЕНКО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ответственный редактор — доктор сельскохозяйственных наук, профессор
И. Г. Дикусар

Зам. ответ. редактора — доктор биологических наук А. И. Прихимович

Зам. ответ. редактора — доктор биологических наук В. А. Рыбин

Члены
редакционной
коллегии

доктор исторических наук Я. С. Гросул
кандидат исторических наук С. Я. Афтенюк
кандидат филологических наук И. К. Вартичан
кандидат исторических наук Ю. Г. Иванов
кандидат исторических наук И. А. Мохов
кандидат географических наук М. М. Радул
кандидат исторических наук Е. М. Руссеа
кандидат технических наук Р. Д. Федотова
кандидат экономических наук И. В. Ширшов

1736622
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. Киргизской ССР

Материал настоящего номера подготовлен Отделом истории европейских стран
народной демократии Института истории МФ АН СССР.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ВОЛОНТЕРОВ ИЗ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1806—1812 гг.

На рубеже XVIII и XIX веков наметился новый этап в национально-освободительной борьбе народов юго-восточной Европы, подвластных Турецкой империи, связанный с целым рядом русско-турецких войн, проходивших, как правило, на территории Дунайских княжеств и Балканского полуострова. Одной из форм борьбы этих народов против турецких поработителей было совместное с русскими войсками участие в войнах России с Османской Портой.

В настоящей статье мы делаем попытку осветить один из малоисследованных этапов национально-освободительной борьбы народов Дунайских княжеств — участие местных волонтеров в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.

Вопрос об участии местных волонтеров в русско-турецких войнах уже привлекал внимание историков¹, однако по рассматриваемому периоду в исторической литературе, как советской, так и румынской, специальных исследований нет, за исключением небольшого сообщения румынского историка К. Шербана² об одном волонтерском соединении, носившем название Одесского греческого корпуса. Отдельные упоминания об участии местных волонтеров в войне 1806—1812 гг. встречаются в работах советского историка Н. И. Казакова³ и историков РНР Г. Безвикоинного⁴ и С. Штирбу⁵.

Спорадические известия содержатся также в трудах русских дворянских⁶ и румынских буржуазных историков⁷. Однако скудость фактиче-

¹ Об участии молдавского народа в русско-турецких войнах второй половины XVIII века см.: И. А. Котенко. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. «Ученые записки Тираспольского пединститута». Кишинев, 1957, стр. 23—42; И. В. Семенова. Участие молдавского народа в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. «Ученые записки Института истории Молдавского филиала АН СССР», № 6. Кишинев, 1957, стр. 67—97.

² C. Șerban. Date cu privire la corpul ostășesc de sub comanda maiorului Pangal (1807—1808). «Studii», nr. 2, 1958, pp. 151—154.

³ Н. И. Казаков. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806—1812 гг.). «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 42—45.

⁴ G. Bezviconi. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. București, 1958, pp. 173—174.

⁵ S. Știrbu. Răscoala din 1821 și legăturile ei cu evenimentele internaționale. București, 1956, pp. 173—174.

⁶ А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны в царствование императора Александра I с 1806—1812 гг. Полное собр. соч., т. III; А. Н. Петров. Война России с Турцией (1806—1812 гг.), тт. I—III. С.-Петербург, 1887.

⁷ N. Iorga. Istoria românilor, vol. VIII. București, 1938, pp. 186—192; V. A. Urechia. Istoria românilor, vol. IX. București, 1896, p. 551; R. Rosetti. Arhiva senatorilor din Chișinău, vol. I, București, 1909, pp. 120—138.

ских данных, трактовка их с позиций интересов господствующих классов, представителями которых являлись эти историки, не могут удовлетворить советского читателя.

Основными источниками при написании статьи послужили документы Центрального Государственного Военно-Исторического Архива СССР (Москва) и Центрального Государственного Архива МССР (Кишинев), а также ряд сборников документов⁸ и мемуаров⁹.

* * *

Русско-турецкие войны объективно, по своим результатам, имели большое прогрессивное значение для народов Молдавии, Валахии и стран Балканского полуострова. Победоносные кампании русских войск, последовательно ослабляя могущество Турции и расшатывая тем самым устои ее господства в юго-восточной Европе, стимулировали развитие национально-освободительной борьбы и создавали реальную основу для осуществления надежд этих народов на свое освобождение с помощью России.

Русский царизм понимал, что для успешного ведения военных действий против Турции ему необходимо заручиться поддержкой народов, на территории которых проходили русско-турецкие войны. А потому, чтобы создать себе опору среди местного населения и тем самым облегчить осуществление своих военно-политических планов на Балканах, царская Россия, в отличие от других европейских стран, выступала в поддержку национально-освободительной борьбы народов Балканского полуострова и Дунайских княжеств. По справедливому замечанию К. Маркса, балканские народы видели в России свою единственную опору, «своего естественного защитника и освободителя»¹⁰. Это целиком относится к молдавскому и валахскому народам.

Оказываемые Россией покровительство и помощь Дунайским княжествам вызвали у местных жителей чувства большой признательности и симпатии к своей «защитнице». «Русская помощь, — писал об этом К. Маркс, — являлась единственным прибежищем от турецкого угнетения»¹¹.

Накануне войны 1806—1812 гг. трудящиеся массы Молдавского и Валахского княжеств, питавшие к России чувства искренней дружбы, в присоединении к последней видели единственную возможность освободиться из-под турецкого ига. В послании молдавского митрополита Вениамина Костаки, объективно выражавшем чаяния народа, говорилось, что «...истинное счастье сих земель заключается в присоединении их к России»¹².

⁸ Кутузов в Дунайских княжествах. Сост. Н. В. Березняков и В. А. Богданова. Кишинев, 1948; Багратион в Дунайских княжествах. Сост. Н. В. Березняков и В. А. Богданова. Кишинев, 1949; М. И. Кутузов. Сб. док. под ред. Л. Г. Бескровного, т. III. Москва, 1952. В дальнейшем приводится сокращенно: *М. И. Кутузов*; Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сост. К. П. Крыжановская и Е. М. Руссев. Кишинев, 1957. В дальнейшем приводится сокращенно: *К. Крыжановская* и *Е. Руссев*.

⁹ Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806—1812 гг. пер. Е. Каменского. «Русская старина», №№ 6—23, 1907—1911. В дальнейшем приводится сокращенно: *Ланжерон*, ук. соч.; Записки И. П. Котляревского о первых действиях русских войск в турецкую войну 1806 г. Киев, 1901; В. Ф. Крулянский. Воспоминания помещика Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии капитана Варфоломея Федоровича Крулянского об участии его в войнах с Турцией и Францией в период 1807—1816 гг. Екатеринослав, 1912.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX. Ленинград, 1932, стр. 393.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, ук. соч., стр. 394.

¹² История Молдавии, т. I. Кишинев, 1951, стр. 305.

Что касается бояр, то они придерживались различной ориентации. Молдавские бояре, особенно мелкие, в большинстве своем были сторонниками России, и лишь небольшая часть крупного боярства ориентировалась на Турцию и выступала против России. Валахские же бояре делились на группы русской, французской, австрийской и турецкой ориентации. В начале войны многие из враждебно настроенных по отношению к России крупных валахских бояр эмигрировали в Австрию, Францию и другие страны, откуда даже пытались организовать иностранные заговоры против России¹³.

Естественно, что различные классы по-разному понимали ту роль, которую должна была сыграть Россия в судьбе княжеств. Эксплуатируемые массы мечтали о том, чтобы, освободившись с помощью России от турецкого ига, облегчить свое тяжелое положение. Бояре стремились к укреплению своей экономической и политической власти в княжествах после ликвидации зависимости от Турции.

Русский царизм, начиная войну с Турцией, учитывал приверженность жителей Молдавии и Валахии к России. Еще в период первых подготовительных мероприятий на днестровской границе русское военное командование выдвинуло вопрос о привлечении местного населения к войне против Турции путем формирования волонтерских (добровольческих) команд. При этом учитывался и опыт предыдущих русско-турецких войн: «Опыты последних войн с турками служат примером, сколь полезны и в случае опять войны с турками даже необходимы вербования сии и сколь не трудны притом. Ежели образ мыслей народов тех и их прежнее расположение к России еще не переменялись, мы имели всегда войско сие под именем волонтерских, арнаутских¹⁴ команд, и они всегда конно и пеше впереди армии с большою пользою служили»¹⁵.

Главное командование русской армии, расположенной на днестровской границе, предлагало также принять ряд мер, которые бы поощрили местное население к вступлению в волонтерские полки. В отношении главнокомандующего И. И. Михельсона к министру иностранных дел А. А. Чарторижскому говорилось о необходимости «дать положение основательное, которое бы, представляя выгоды народу, тем самым привлекало бы их (волонтеров. — Г.Г. и Р.Д.) к себе»¹⁶.

Поступавших в волонтеры, согласно этому предложению, следовало делить на две категории: «...одни, кои вместе со службою и вечное подданство российское примут и захотят переселиться к нам с семействами. Другие, кои лично токмо служить будут»¹⁷.

Первая категория волонтеров должна была быть приравнена к существовавшему уже на территории России Бугскому войску¹⁸. Для вто-

¹³ ЦГА МССР, ф. I, оп. 1, д. 243, лл. 6—7, 11—13; д. 1532, лл. 38—39; д. 2090, л. 142; д. 2278, лл. 6 об. — 8.

¹⁴ Арнаутами в Дунайских княжествах называли наемных воинов господарской гвардии, носивших албанскую национальную форму (албанец по-турецки — арнаут). В период русско-турецких войн XVIII—XIX вв. арнаутами называли вообще местных волонтеров (добровольцев), сражавшихся совместно с русской армией.

¹⁵ А. Н. Петров, ук. соч., т. I, стр. 391—392. Отношение И. И. Михельсона к А. А. Чарторижскому от 10 апреля 1806 г.

¹⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 29. Это отношение было направлено МИДУ в связи с командированием в Сербию участника предыдущих русско-турецких войн, поручика Бея Новокрещенова, которому было дано задание склонять, при проезде через Дунайские княжества, местное население к образованию волонтерских отрядов.

¹⁷ Там же, л. 30.

¹⁸ Там же, л. 30 об. Бугское войско было сформировано в 1769 г. «из людей иноплемennых... молдаван, волохов и из других молдавских народов», живших за Дунаем и активно участвовавших в русско-турецких войнах 1768—1774 и 1787—1791 гг. За

рой категории волонтеров, обязывавшихся служить только в период войны без перехода в русское подданство и переселения в Россию, предлагалось определить размер жалования и содержания их по примеру штатных расписаний арнаутских команд в прежних русско-турецких войнах¹³.

Царское правительство одобрило предложения ген. Михельсона и поручило ему в апреле 1806 г. приступить к предварительной вербовке волонтеров и формированию добровольческих отрядов.

Еще весной и летом 1806 г., до открытия военных действий, было начато предварительное формирование волонтерских команд. В Одессе и других местах юга России в этот период находилось большое число переселенцев из стран Балканского полуострова и Дунайских княжеств: греков, сербов, болгар, молдаван, валахов и др. Все они изъявляли горячее желание совместно с русскими войсками принять участие в предстоявшей войне, стремясь тем самым внести свой вклад в освобождение родины от турецкой зависимости. Общее руководство организацией набора добровольцев было возложено на одесского генерал-губернатора Э. И. де Ришелье. Город Одесса стал центром формирования волонтерских отрядов.

Был выпущен ряд манифестов²⁰, призывавших добровольцев — выходцев из стран Балканского полуострова, Молдавии и Валахии к вступлению в Бугские казачьи полки и в создававшиеся новые добровольческие (волонтерские) полки.

С целью пополнения ранее существовавших трех Бугских казачьих полков новыми добровольцами, а также для их обмундирования и снаряжения полки были постепенно стянуты к Одессе. К началу войны были созданы четыре Бугских полка, полностью снаряженных и обмундированных²¹. В ходе войны эти полки пополнялись волонтерами, набранными на территории княжеств.

В Одессе началось формирование волонтерского соединения под названием «Одесский греческий корпус», или «Корпус Пангалло». Основателями его были греческие переселенцы, проживавшие в большинстве своем в Одессе. Руководство этим корпусом было возложено на отставного майора русской военно-морской службы Пангалло²². К началу войны был набран один батальон в количестве 120 человек «...военно-слу-жителей и пеших волонтир-греков»²³.

Вместе с русской армией добровольцы Пангалло вступили на территорию Молдавского княжества. Пополняя свой корпус местными добровольцами, Пангалло с несколькими отрядами в начале 1807 г. прибыл в Яссы. С этого времени формирование Одесского греческого корпуса проходило с наибольшим успехом. В течение короткого времени (до мая 1807 г.) в корпус было набрано около 3000 человек, составивших 5 ба-

приверженность к России и усердие в службе они были поселены на незаселенных землях Новороссийского края между реками Бугом и Днестром, с присвоением звания бугских казаков и обязанностью нести пограничную службу. Им были выделены в общее пользование земли с правом прикупать таковые же на стороне в частную собственность, что создавало имущественную дифференциацию и неравенство среди казаков этого войска. Бугским казакам предоставлялся также ряд льгот в несении общественных повинностей (освобождение от постоя) и в платеже податей. См. по этому вопросу ЦГВИА, ф. ВУА, д. 351, лл. 292—300.

¹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 30 об.

²⁰ См., в частности: ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 212, л. 1.

²¹ Ланжерон, ук. соч., стр. 600—601.

²² С. Şerban, ук. соч., стр. 151.

²³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2900, л. 93.

тальонов (4 пехотных и 1 кавалерийский). Каждый батальон делился на 4 роты, по 150 человек в каждой²⁴.

Из Ясс Пангалло направился в Бухарест. Набор волонтеров в Валахском княжестве также проходил успешно. К июню 1807 г. общее количество волонтеров Одесского греческого корпуса достигло почти 6000 человек²⁵. Таким образом, созданный в Одессе из греков-переселенцев корпус Пангалло по занятии княжеств русскими войсками пополнился большим числом волонтеров из местных жителей коренных национальностей (молдаван и валахов), а также и иностранцев-переселенцев (греков, сербов, болгар и др.)²⁶.

Одним из предварительных мероприятий по формированию волонтерских соединений в период до начала военных действий, кроме комплектования Бугских казачьих полков и создания Одесского греческого корпуса, была также попытка тайной организации волонтерских полков на территории самих княжеств. С этой целью в Молдавское княжество был послан участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. полковник в отставке Г. Кантакузин²⁷. В Валахию, к князю Ипсиланти, в июле 1807 г. с таким же заданием были отправлены полковник Курт²⁸ и ротмистр Никич²⁹. Мы располагаем лишь некоторыми отрывочными данными, позволяющими сделать предположение, что, несмотря на тяжелые политические условия в связи с занятием княжеств турецкими войсками³⁰, тайный набор добровольцев все же имел успех. Так, у А. Н. Петрова читаем: «князь Кантакузин успешно сформировал несколько арнаутских полков»³¹. В Бухаресте были собраны 3000 волонтеров, из которых 2000 однако, в период наступления русской армии были обезоружены турецкими властями и лишь 1000, запершись в монастыре, продолжали активно защищаться вплоть до вступления в город авангарда русских войск во главе с М. Д. Милорадовичем³².

После вступления русских войск в княжества формирование волонтерских команд пошло с большим подъемом и энтузиазмом. Командование русской армии в начале открытия военных действий выпустило ряд манифестов к местным жителям (от 4 ноября и 23 декабря 1806 г.)³³, призывавших их вступать в волонтерские соединения. В этих манифестах всячески подчеркивалось, что война началась единственно по вине Турции, которая нарушила все мирные соглашения, вопреки хатишерифу от 1802 г. низложила господарей и ввела свои войска в княжества. В манифестах говорилось, что единственной целью царского правительства является осуществление обещанного покровительства народам этих княжеств, сохранение их привилегий, защита от турецкой агрессии.

Выпущенные манифесты нашли горячий отклик в сердцах местного

²⁴ С. Şerban, ук. соч., стр. 151.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 152.

²⁷ А. Н. Петров, ук. соч., т. I, стр. 80.

²⁸ ЦГВИА ф. ВУА, д. 2880, л. 003.

²⁹ М. И. Кутузов, стр. 389.

³⁰ Турецкие войска находились в княжествах якобы для защиты их от грабительских банд. С августа 1807 г., после низложения господарей А. Морузи и К. Ипсиланти, княжества были целиком оккупированы и находились под полным контролем этих войск.

³¹ А. Н. Петров, ук. соч., т. I, стр. 80.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 11.

³³ N. Iorga. Acte și fragmente cu privire la istoria românilor, v. 11., București, 1896, p. 413; T. Codrescu. Uricariul, vol. III., ed. 2, Iași, 1853, pp. 210—213.

населения; вступившие на территорию княжеств русские войска всюду были встречены с большой радостью. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения, посылаемые главнокомандующему по мере движения русской армии. Так, например, командующий авангардом русской армии, вступившей в Молдавию, генерал-лейтенант Долгоруков 11 ноября 1806 г. доносил: «Все жители молдавские чрезвычайно рады приходу наших войск»³⁴, а 17 ноября, сообщая о вступлении в Яссы, он писал: «Жители города принимают нас с большой радостью и оказывают одно только беспокойство, что будто русские войска не долго в их земле останутся»³⁵.

9 декабря 1806 г. генерал-лейтенант Засс сообщал, что «жители города Килии крепость сдать готовы и встретят нас дружелюбным образом»³⁶. И действительно, участник занятия Килии В. Ф. Крупнянский в своих воспоминаниях пишет, что греки и молдаване «встречали наш полк... с крестами, хоругвами, хлебом и солью»³⁷ и что Килийская крепость сдавалась добровольно.

Обобщая сведения о настроении жителей Молдавского княжества, главнокомандующий Михельсон доносил царю: «Вступление наше в здешний край (Молдавию) сопровождается очевидной радостью и удовольствием народа здешнего и духовенства»³⁸. О боярах же он отзывается: «...но бояре есть партий различных и есть такие, кои требуют внимания за поведением их»³⁹.

С такой же радостью и благожелательством были встречены русские войска и в Валахском княжестве. О настроении жителей г. Бухареста при вступлении в него авангарда русских войск во главе с Милорадовичем И. И. Михельсон докладывал: «А жители, освободясь от лютой неистовых тиранов, ... встречали избавителей с поразительнейшим изъявлением радости и благодарений»⁴⁰. Более того, в ожидании русских войск местные жители вступили в вооруженную борьбу с неприятелем. В этом же донесении Михельсона указывается, что зашицавшиеся в монастыре 1000 арнаутов, увидя приближающуюся кавалерию Милорадовича, «...кинулись из монастыря и ударили на турков, коих вместе с кавалерией и поразили...»⁴¹.

В Молдавии, кроме батальонов Одесского греческого корпуса, под руководством посланного ранее сюда Г. Кантакузина формировались полки молдавских волонтеров. Уже 26 декабря 1806 г. Михельсон докладывал царю, что «...под начальством генерал-лейтенанта Дюка де Ришелье формируются полковником Кантакузиным три полка пеших и три полка конных волонтеров»⁴². В эти полки часто зачислялись целые отряды волонтеров, создававшиеся в разных местах княжества вербовщиками-энтузиастами. Известны, например, отряд кишиневских волонтеров и отряды, созданные прапорщиками Подчашинским и Галацаном. О последнем в рапорте ген. Е. Ф. Мейендорфа главнокомандующему 16 марта 1807 г. говорится: «Переводчик прапорщик Галацан в короткое время собрал волонтиров 200 человек, которые уже употреб-

³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 81 об.

³⁵ Там же, л. 83.

³⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2882, л. 75.

³⁷ В. Ф. Крупнянский, ук. соч., стр. 3.

³⁸ А. Н. Петров, ук. соч., т. I, стр. 93.

³⁹ Там же.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 288 об.

⁴¹ Там же, л. 288.

⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2900, л. 7.

лены в службу». За такое усердие к службе Мейендорф просит представить Галацана к награде⁴³.

Из различных источников явствует, что с конца 1806 г. и в течение весны 1807 г. Кантакузиным было сформировано 6 волонтерских полков — 3 пехотных и 3 кавалерийских, в каждом из которых было по 500—600 человек⁴⁴.

Молдавские волонтерские полки, как и все волонтерские соединения, были крайне неоднородны по своему национальному и классовому составу. Кроме молдаван, в них входило большое число болгар, сербов и других иностранцев⁴⁵, иногда весьма компактными массами. Известно, например, о наличии в 1-м Волонтерском конном полку⁴⁶ болгарской арнаутской команды в составе 11 обер-офицеров, 20 урядников и 238 рядовых⁴⁷.

О неоднородности классового состава говорит, например, тот факт, что один полк молдавских волонтеров назывался полком благородных волонтеров⁴⁸. Ясно, что благородными могли называться лишь волонтеры — выходцы из боярских и других привилегированных сословий феодального класса. Создание отдельного полка «благородных» волонтеров говорит о том, что все остальные пять полков молдавских волонтеров состояли из «неблагородных», то есть трудящихся слоев населения.

В Валахии в этот период формированием волонтерских соединений занимались полковник Курт и вернувшийся вместе с русскими войсками князь К. Ипсиланти, провозглашенный господарем обоих княжеств.

Основную массу валахских волонтеров составляли пандуры⁴⁹. Из них был составлен целый волонтерский корпус, возглавлявшийся вначале полковником Куртом, а впоследствии Тудором Владимиреску, известным в будущем вождем крестьянского восстания 1821 г. в Валахии. Количество волонтеров в пандурском корпусе исчислялось в 6000 человек⁵⁰. Формировались также два полка валахских казаков⁵¹ во главе с ротмистром Никичем.

По инициативе и под личным руководством полковника русской армии Милорадовича был сформирован из молдавских и валахских волонтеров полк «черносербских» или «черных» гусар⁵² в количестве

⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 184 об.

⁴⁴ А. Н. Петров, ук. соч., т. I, стр. 80; А. Н. Михайловский-Данилевский, ук. соч., т. III, стр. 25—26; Ланжерон, ук. соч., «Русская старина», 1907, № 6, стр. 599; R. Rossetti, ук. соч., т. I, стр. 133.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2880, л. 030.

⁴⁶ Молдавские полки, в отличие от других волонтерских соединений, отличались по номерам: 1-й, 2-й... 6-й.

⁴⁷ Н. Казаков, ук. соч., стр. 45.

⁴⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, лл. 243 об. — 244.

⁴⁹ Пандуры — вооруженные крестьяне лесистых областей Малой Валахии (Олтении), получившие еще до войны право носить оружие в связи с необходимостью обороняться от нашествий банд Пазван-Оглу.

⁵⁰ G. Bezuiconi, ук. соч., стр. 174.

⁵¹ R. Rossetti, ук. соч., стр. 122. Указанные у Росетти два полка гусар мы не склонны причислять к волонтерам, поскольку они составляли личную наемную гвардию князя, созданную на других началах, чем волонтерские полки, и были призваны охранять личность господаря, а не участвовать в войне.

⁵² Такое название дано ему от введенной формы — черной с желтыми галунами. Название «черносербских» не говорит о его чистосербском национальном составе. Из архивных документов видно, что некоторые волонтерские соединения (арнаутские, как они назывались в Валахии), часто именовались сербскими, хорватскими и т. д., хотя были многонациональными. Подчас в одном документе один и тот же батальон или

1000 человек. Еще в начальный период формирования этого полка (9 января 1807 г.) главнокомандующий Михельсон отзывается о нем, что это будет «полк добрый и полезный»⁵³. Кроме того, по всей Валахии создавались отдельные волонтерские отряды, которые, не дожидаясь объединения в более крупные соединения, обеспечив себя необходимым снаряжением и обмундированием, отправлялись в действующую армию. Их называли просто арнаутами, сербами, хорватами. Хорошо известны, например, Фокшанский, Бухарестский и другие арнаутские отряды. Общего числа волонтеров данной категории нам не удалось установить. Основываясь на отрывочных архивных данных, можно предположить, что их было немало. Так, из расписания Молдавской армии⁵⁴ от января 1807 г. видно, что уже в начале войны в составе действующих войск находилось 700 арнаутов и сербов⁵⁵: 500 в корпусе генерал-лейтенанта Милорадовича и 200 — в корпусе генерал-лейтенанта Каменского. Поскольку же это был лишь начальный период формирования волонтерских войск, то надо полагать, что впоследствии число этих волонтеров значительно возросло.

Современник описываемых событий Дионисий Эклизиарх пишет, что формирование волонтерских команд в Валахии проходило весьма успешно: «Народ повалил со всех сторон и стал записываться в солдаты»⁵⁶. Румынский буржуазный историк Р. Росетти указывает, что к началу апреля 1807 г. количество волонтеров в Валахии достигало 10 000 человек, из которых 2500 конников⁵⁷.

И, наконец, представляет интерес формирование еще одного волонтерского соединения.

18 февраля 1807 г. главнокомандующим Михельсоном был выпущен манифест, приглашавший «... всех казаков Войска Черноморского или бывшего Запорожского, обретающихся в Молдавии, Валахии и Бессарабии, к поднятию оружия против турок»⁵⁸. Этим манифестом было положено начало формированию так называемого Усть-Дунайского (Буджацкого) войска, набравшегося из бывших запорожцев, поселившихся ранее на территории княжеств. Формирование этого войска было поручено майору Подлисецкому, «Войска Черноморского писарю»⁵⁹. Сборными местами были назначены города Галац и Килия⁶⁰. О предоставлении казакам материальных выгод в манифесте говорилось: «...по окончании войны поселены они будут в России с выгодами и преимуществами, каковыми пользуются и подобные им войска»⁶¹. За несколько месяцев — с февраля по май 1807 г. — в это войско было набрано более 2000 человек⁶².

отряд называется арнаутским, в другом же — сербским, хорватским, и наоборот. О «черносербском» полке Р. Росетти (ук. соч., стр. 122) пишет, что в него входили «румыны из австрийских владений, венгры и особенно сербы», что также подтверждает неоднородность национального состава полка.

⁵³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 28 об.

⁵⁴ Так стала называться русская армия после вступления в княжества.

⁵⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2895, л. 1-а об.

⁵⁶ D. Eclisiarhul. Cronograful Terei Rumânești. Rimnicul-Vilcea, 1934, p. 140. Приведенная им дата (1808 г.) явно ошибочна, так как он повествует о событиях, связанных с возвращением в 1806 г. К. Ипсиланти в княжества.

⁵⁷ R. Rosetti, ук. соч., стр. 122.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 51.

⁵⁹ Там же, л. 51 об.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, д. 2870, л. 244 об.

Из приведенных данных видно, что набор волонтеров и формирование волонтерских войск всех видов в Молдавии и Валахии шли с большим подъемом и успехом. Анализ цифрового материала, содержащегося в различных архивных документах, позволяет высказать твердое предположение, что общее число волонтеров, набранных в обоих княжествах на первом этапе войны (до Слободзейского перемирия), превышало 20 000 человек. Это было время наивысшего подъема в формировании волонтерских соединений и их участия в боевых действиях против войск Оттоманской Порты⁶³.

В успешном формировании волонтерских войск большую роль играл фактор материальной заинтересованности: надежда на получение обещанных царским правительством выгод от переселения в Россию, возможность получения жалованья и, что особенно привлекало, освобождение от несения ряда повинностей и от уплаты земских податей.

Волонтеры, изъявлявшие желание переселиться в Россию, записывались в основном в Бугские казачьи полки и Усть-Дунайское войско, а также вступали непосредственно в действующую русскую армию. Волонтеры остальных категорий получали жалованье, выплачиваемое им из сумм востерий Молдавского и Валахского княжеств, согласно составленным русским командованием штатным расписаниям. Размер выплачиваемого жалованья был неодинаков. Волонтеры, служившие в конных полках, получали более высокую плату, чем пешие. Первые, как правило, приравнивались к гусарским полкам русской армии, вторые — к пехотным. Наиболее высокооплачиваемыми были «черносербские» гусары Милорадовича⁶⁴ и валахские казаки⁶⁵.

Неодинаковым было положение волонтеров и в части освобождения их от несения повинностей. Наибольшие льготы в этом отношении предоставлялись волонтерам-иностранцам (болгарам, сербам, албанцам). Они, «как неприродные здешнего края»⁶⁶, принимались в волонтерские команды «...с освобождением от всех земских повинностей»⁶⁷. Из молдаван же и валахов принимались в волонтерские команды с освобождением от повинностей лишь самые необеспеченные категории жителей, подать которых не превышала 15 левов⁶⁸.

Введением такого ограничения для коренных жителей русское командование стремилось добиться, с одной стороны, притока достаточного количества волонтеров (социальные низы видели в этом поощрение к поступлению в волонтеры), а с другой стороны, сохранения достаточного количества податного населения, необходимого для обеспечения нужд армии.

Говоря о материальной заинтересованности как одном из факторов, стимулировавших вступление в волонтерские войска, не следует, однако, преувеличивать его значения.

Не менее важным фактором был патриотический подъем, выражавшийся в желании освободить свою родину от гнета Турции и в чувстве глубокой приверженности к России, в которой христианские подданные султана видели свою единственную освободительницу из-под ига турецких феодалов. Об этом красноречиво свидетельствуют радость,

⁶³ Об этом будет сказано ниже.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 29 об.

⁶⁵ R. Rosetti, ук. соч., т. I, стр. 122.

⁶⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 49.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, д. 2879, л. 49; д. 2880, л. 030.

проявленная местным населением при вступлении русских войск в княжества, энтузиазм, с каким жители Молдавии и Валахии вступали в волонтерские полки, а также создание волонтерских отрядов отдельными лицами на собственный кошт. Так, например, прапорщик Подчащинский привел с собой «на собственном иждивении в полк 110 человек волонтеров»⁶⁹.

О патриотизме говорят и многочисленные факты бегства местных жителей из крепостей и местностей, занятых турецкими войсками. Бежавшие сообщали русскому командованию ценные сведения о численности и состоянии неприятельской армии⁷⁰. Нам кажется поэтому не совсем правильным утверждение румынского историка К. Шербана о том, что успешное формирование волонтерских полков является не столько свидетельством патриотизма, сколько следствием материальной заинтересованности и представившейся возможности пограбить в период войны⁷¹. Ссылка на письмо председательствовавшего в Молдавском и Валашском диванах русского сенатора С. С. Кушника к П. И. Багратиону, в котором говорится, что волонтерские войска «были набраны из бродяг, пришедших со всех сторон на службу не столько для защиты княжества от турецких поработителей, сколько для личной выгоды и грабежа»⁷², представляется недостаточно основательной для столь ответственного утверждения автора.

Нельзя, конечно, отрицать наличия материальной заинтересованности как стимула в формировании волонтерских полков. Имели место, как это засвидетельствовано документально, и факты грабежа (заметьте мимоходом, что грабеж на войне свойственен всем армиям классовых государств). Но все это не дает нам права смотреть на волонтеров глазами представителей царской администрации, называвшей их бродягами и грабителями.

Дело в том, что основную массу волонтеров составляли выходцы из социальных низов города и деревни, которые в период войны 1806—1812 гг. нередко становились активными участниками гайдуцкого движения и использовали оружие против своих классовых врагов — местных эксплуататоров⁷³. Это побуждало русскую администрацию и военное командование, стоявших на защите существовавших в княжествах, феодальных порядков, высылать для борьбы с гайдучеством целые воинские команды и, естественно, вызывало у представителей русского дворянства дикую ненависть к волонтерам — выходцам из социальных низов, в каждом из которых они видели классового врага. Именно эта ненависть заставила аристократа А. Ф. Ланжерона, эмигрировавшего в Россию в период французской буржуазной революции конца XVIII в., с презрением отзываться о волонтерах-солдатах, обзывая их «негодаями» и говоря, что они напоминали ему «отвертительную народную толпу в Париже в начале революции» (курсив наш. — Г. Г. и Р. Д.)⁷⁴.

Вот почему взгляд представителей господствующих классов на волонтерские войска (их рядовой состав), как на «сборище грабителей», «бродяг», их пренебрежительный тон по отношению к волонтерам являются для нас неприемлемыми.

⁶⁹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 212, л. 1.

⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, лл. 155 об., 192, 202, 203; д. 2877, лл. 52, 90.

⁷¹ С. Şerban, ук. соч., стр. 152.

⁷² Там же.

⁷³ Об участии волонтеров в гайдуцком движении см. ниже.

⁷⁴ Ланжерон, ук. соч., стр. 599.

Вместе с тем, мы не склонны идеализировать волонтеров. Следует учитывать и тот факт, что большинство из них — выходцы из крестьян и других социальных низов — не были обучены военному делу и не привыкли к воинской дисциплине. Поэтому при трудностях продовольственного или иного порядка действительно бывали случаи дезертирства, недисциплинированности, грабежа и т. д. Все это ни в коей мере, однако, не умаляет значения деятельности волонтерских отрядов в ходе войны 1806—1812 гг.

В волонтерских соединениях была большая текучесть, особенно из-за недостатка в снаряжении и обмундировании. Несмотря на то, что, как указывает Д. Эклизиарх, в княжествах «производились одежда, шапки, сапоги, оружие, были собраны лошади, хомуты, сабли...»⁷⁵, низкий уровень ремесленного производства далеко не обеспечивал потребностей волонтерских отрядов. Поэтому большую роль в экипировке и обмундировании волонтеров играли оружие, одежда и обувь, поставляемые русскими и местными купцами из-за границы. Так, например, нежинский купец Дмитрий Маврикий закупил для валашских волонтеров оружия на 23 633 лева 50 аспр и для волонтеров корпуса Пангало на 5076 левов⁷⁶. Известны также такие поставщики, как купец Гауди⁷⁷, нежинский купец Евстафий Лангер⁷⁸, кишиневский купец Абрамович⁷⁹ и др. Поставляемое ими вооружение и обмундирование обычно оплачивалось вистериями княжеств в счет жалования волонтеров. Но нередко случалось, что оплата задерживалась. Несвоевременная выплата денег по контракту приводила к длительным тяжбам между поставщиками, с одной стороны, и вистериями, князем, командирами волонтерских соединений, с другой⁸⁰. В связи с этим купцы часто отказывались продолжать дальнейшую поставку товаров. Возможности же волонтеров обеспечить себя всем необходимым, не прибегая к помощи казны, были крайне ограничены ввиду недостатка в стране товаров и в связи с тем, что выплата жалования производилась крайне нерегулярно. В этом убеждают нас прошения многих волонтеров, ходатайствовавших об уплате им жалованья⁸¹. Несвоевременная выплата жалованья, плохое снабжение оружием, обмундированием и продовольствием иногда отрицательно сказывались на их настроении и воинской дисциплине⁸².

Такое положение создавалось большей частью по вине бояр, правивших в Молдавском и Валашском диванах. Они были недовольны тем, что формирование волонтерского войска опустошало селения, отнимая у них много бирников и рабочих рук. «Они бы лучше согласились, — докладывал 3 марта 1807 г. по поводу неудовольствия бояр знаток этого вопроса В. С. Готовцев, — если его императорскому ве-

⁷⁵ D. Eclisarihul, ук. соч., стр. 140.

⁷⁶ И. Н. Халиппа. Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, т. III. Кишинев, 1907, стр. 479.

⁷⁷ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 584, л. 1.

⁷⁸ Там же, д. 6, л. 13 об.; д. 15, л. 51.

⁷⁹ Там же, д. 6, л. 3.

⁸⁰ О длительном процессе между нежинским купцом Дмитрием Мавриком и кн. Ипсиланти см. у И. Н. Халиппы, ук. соч., стр. 479. О претензиях нежинского купца Евстафия Лангера к Пангало см.: ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 15, л. 51. О претензиях кишиневского купца Абрамовича см.: ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 3.

⁸¹ Прощения 5 пандуров, а также волонтеров корпуса Пангало и Никича см.: ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, лл. 8, 10, 14. Прощение волонтера Усть-Дунайского войска, там же, д. 49, л. 28.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2879, л. 50; д. 2880, л. 049.

личеству в войске предстает необходимая нужда, «каждый с своих деревень по общему расчету выставить известное число людей с полной одеждою и добрыми лошадьми»⁸³. Иными словами, бояре предлагали фактически отказаться от принципа добровольности и перейти к системе рекрутирования местного населения в русскую армию. Вполне понятно, что русский царизм, всемерно подчеркивавший освободительный характер войны, не мог пойти на такую меру, тем более, что она не принесла бы никаких выгод России, а наоборот, значительно снизила бы активность местного населения, ухудшила бы его отношение к своей «покровительнице» и тем самым нанесла бы большой вред политике России на Балканах.

Таким образом, на первоначальном этапе войны формирование волонтерских полков сопровождалось большими трудностями, связанными с злоупотреблениями местных бояр и чиновников, недостатками в снабжении и обмундировании, непривычностью волонтеров к воинской дисциплине и т. д. Вместе с тем, местные жители проявляли большую активность и энтузиазм, выражавшийся в успешном формировании волонтерских команд и в чувстве большой приверженности к русским войскам.

Создававшиеся повсеместно волонтерские отряды нередко еще до поступления в полки проявляли большую активность и инициативу в оказании помощи русской армии. Так, например, немаловажное значение для русских войск имело привлечение на свою сторону татар, населявших территорию юга Бессарабии (Буджак) или, во всяком случае, их нейтрализация в предстоящей войне. Большую помощь русским войскам в этом вопросе оказал отряд волонтеров, созданный прапорщиком Галацаном, который задержал на пути к Измаилу 1000 татар, намеревавшихся перейти на сторону турецких войск⁸⁴.

По мере укомплектования отдельные отряды или целые полки волонтеров направлялись в действующую армию, где их прикрепляли к регулярным частям, причем так, что «полки конные всегда были вместе с регулярной конницей или казаками, а пехота с пехотою»⁸⁵. С момента вступления в состав действующей армии местные волонтеры бок о бок с прославленными русскими воинами участвовали в боевых операциях против войск Османской Порты.

Из расписаний и сведений о расположении Молдавской армии видно, что различные соединения волонтеров поступали во все основные корпуса войск, действовавшие на территории Молдавии, Большой и Малой Валахии, Бессарабии⁸⁶.

Полки молдавских волонтеров и Усть-Дунайского войска, а также частично бугские казаки и волонтеры Одесского греческого корпуса были расположены в основном в Бессарабии и Молдавии. Часть этих волонтеров входила также в состав Дунайской речной флотилии. Валахские казаки, под командованием полковника Никича, эскадроны «черносербских» гусар, большая часть батальонов Одесского греческого корпуса, часть бугских казаков, пандуры и валахские «арнауты» находились в корпусах генерал-лейтенантов Милорадовича и Каменского, действовавших в Большой и Малой Валахии.

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2880, л. 032.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, лл. 294—295.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2900, л. 7.

⁸⁶ Расписание части русских войск под командованием генерал-лейтенанта Ланжерона, расквартированной в Бессарабии см.: ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, лл. 98—101.

Конных волонтеров большей частью использовали в авангардных частях. Легко вооруженные, подвижные, превосходно ориентировавшиеся на местности, владевшие языками не только местными, но часто и турецким, волонтеры-конники оказывали большую помощь русской армии. Из них обычно создавались «летучие» отряды, которые разведывали местность, расположение неприятеля, способствовали активизации местного населения. В фондах ЦГВИА хранятся многочисленные документы, свидетельствующие об участии волонтеров в составе авангардных отрядов в схватках с противником⁸⁷, о проявленной смелости⁸⁸, о понимке «языков», нередко дававших ценные показания⁸⁹ и др.

Активно участвовали волонтеры также в несении сторожевой и пограничной службы на авангардных и разъездных постах. Занимая ту или иную местность, военное командование, как правило, оставляло для ее охраны казаков русской армии и местных волонтеров. Многим отрядам, охранявшим пограничные посты, приходилось выдерживать постоянные нападения турецких войск и отбивать их атаки. Имеются сведения о действиях волонтеров у Бараганского⁹⁰, Браильского⁹¹, Бузэуского⁹², Каларашского⁹³, Карतालского⁹⁴ и других постов. Охрана постов нередко вступала в настоящие крупные сражения. Ряд ожесточенных сражений с 6000 турецкой пехоты и конницы состоялся в конце января 1807 г. у селений Еникиой, Карманкиой и Китай (Молдавия). В этих сражениях участвовали волонтеры Одесского греческого пехотного батальона и 2-го Бугского полка⁹⁵. При активном участии волонтеров крупное сражение произошло у Мусандского поста (Молдавия) 10 января 1807 г.⁹⁶

На первом этапе войны (конец 1806 — август 1807 гг.) волонтерские части, входя в состав русской армии, принимали активное участие также во всех крупных военных операциях, имевших место между основными силами воюющих сторон: под Измаилом, Джурджу, Обилештами, а также в Малой Валахии и Сербии.

В осаде Измаила, продолжавшейся весь первый период войны, участвовали несколько батальонов бугских казаков и полки молдавских волонтеров, волонтеры Усть-Дунайского войска и батальон корпуса Пангалло, а также волонтеры, входившие в состав Дунайской речной флотилии⁹⁷. Докладывая царю о положении под Измаилом, главнокомандующий отмечал, что 13 мая турецкие войска в количестве «...до двухсот пехоты и толкое ж число конницы, выступя из крепости, первые стремились к егерскому реду, а последние — атаковать наши казачьи пикеты. Но высланные против них 50 человек стрелков и до 50 волонтеров, произведя перестрелку, подвели их под наши картечные выстрелы, кони неприятель был опрокинут, потеряв довольное чис-

⁸⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, лл. 155—156.

⁸⁸ Там же, д. 2879, л. 208 об.

⁸⁹ Там же, л. 191 об.

⁹⁰ Там же, д. 2877, л. 24.

⁹¹ Там же, лл. 77—78.

⁹² Там же, лл. 73—74.

⁹³ Там же, л. 66.

⁹⁴ Там же, л. 97.

⁹⁵ Там же, д. 2900, лл. 208 об.-209.

⁹⁶ Там же, д. 2877, л. 271 об.

⁹⁷ Там же, лл. 308—313; д. 2900, л. 214.

ло убитых»⁹⁸. Подобных фактов активного участия волонтеров в отдельных сражениях под Измаилом (у Сулинского гирла, о-ва Четала и в других местах) было много.

В целях оказания содействия войскам генерала Мейендорфа, осаждавшим Измаил, главнокомандующий Михельсон в начале марта 1807 г. предпринял широкое наступление русских войск в сторону крепости Джурджу. Упорные сражения имели место 5 марта 1807 г. на подступах к крепости у деревень Назырь, Чатырджи-Оглу и Турбата⁹⁹. В этих сражениях участвовали 250 «сербов» и арнаутов, состоявших в команде Исаева, эскадрон «черносербских» гусар команды Милорадовича и 200 валашских казаков отделения Бахметьева¹⁰⁰. Будучи вытеснены из этих деревень, турецкие войска 6 марта сделали вылазку из крепости. В этих боях командованием были отмечены успешные действия «сербов», арнаутских полков и «черносербских» гусар¹⁰¹.

После сражений под Турбатой и Джурджу войска под командованием Исаева, пополнившись частью валашских казаков, бухарестскими пандурами и арнаутами во главе с полковником Куртом, были переброшены в Малую Валахию, где их уже ожидали местные пандуры. Позже к ним присоединилась и часть волонтеров корпуса Пангало, ведших отдельные самостоятельные бои с турецкими войсками. Войска Исаева должны были выбить турок из Олтении и затем идти в Сербию на помощь войскам Кара-Георгия.

Как явствует из рапорта Михельсона царю, турецкие войска, узнав о приближении войск Исаева, начали отступать. «Для преследования их — читаем в упомянутом рапорте, — отряжены Исаевым были в разные места партии, из коих одна партия из 180 человек казаков и арнаут... настигла бежавшего из Джурджи к Виддину неприятеля близ селения Ужицы в числе 400 человек, уже приготовившегося за Дунай к переправе, и, напав на него, при всей его жестокой обороне, разбила»¹⁰².

Двигаясь на соединение с сербами, войска Исаева дважды разгромили турецкие войска у сел Изворы и Алба (Валахия) и у крепости Малайница (Сербия). Отмечая заслуги войск Исаева, Михельсон писал: «С малым своим корпусом имел он столь похвальные успехи, что и требовать от него больше нельзя»¹⁰³.

Храбро сражались волонтеры и на других участках фронта. Так, в конце мая 1807 г. турецкие войска предприняли широкое наступление через Браилу и Обилешты на Бухарест. В сражениях с турками вблизи Браилы участвовали волонтеры, входившие в состав корпуса Каменского¹⁰⁴. 2 июня 1807 г. состоялось крупное сражение под Обилештами. Активное участие в боях с турецкими войсками в период их наступления на Обилешты принимали валашские казаки Никича и «черносербские» гусары полковника Милорадовича.

Рапортуя об успехах и мужестве русских войск в сражении под Обилештами, заставивших неприятеля пуститься в бегство, генерал Милорадович доносил: «В ходе сражения майор Ребиндер с кавалерией с решительностью и с величайшим успехом атаковал правый фланг не-

приятеля и истреблял одного соединенно с отрядом полковника Никича (курсив наш. — Г.Г. и Р.Д.), который по данной от меня диспозиции с одною частью действовал во фланге, а другую часть послал к гребле при Обилешты угрожать неприятельский тыл»¹⁰⁵.

9 июня 1807 г. 700 греческих волонтеров под командой майора Пангало участвовали в освобождении местечка Слободзеи¹⁰⁶.

Из вышесказанного видно, что в период до заключения Слободзейского перемирия волонтеры Молдавского и Валашского княжеств оказывали русским войскам активную помощь в борьбе с войсками Османской Турции, принимая непосредственное участие как в отдельных схватках с врагом на сторожевых и разъездных постах, при проведении разведывательных действий, так и в крупных боевых операциях, сыгравших решающую роль на первом этапе войны.

Важно заметить, что турецкие власти жестоко мстили волонтерам за участие в войне на стороне русской армии. Об этом мы узнаем из многих показаний волонтеров, бежавших из турецкого плена. Так, например, молдаванин Иван Антонов показал, что «турки... российских солдат, которые захвачены в плен, отсылают за Дунай, куда неизвестно, а волонтирам отрезают головы. Живыми не держут, а с голов снимают кожу, шкуру набивают соломой и отправляют за Дунай...»¹⁰⁷.

Такой жестокой мстью турецкие военные круги пытались устрашить местное население и тем самым предотвратить дальнейшее развитие волонтерского движения. Однако в действительности это вызвало еще большую ненависть населения к турецким поработителям и активизировало его участие в войне на стороне России. Пролитая волонтерами на полях совместных сражений кровь укрепляла их боевую дружбу с мужественными русскими воинами.

На храбрость волонтеров, проявленную ими в боях с турецкими войсками, кроме рапортов командующих, указывают также многие прошения, поданные сенатору С. С. Кушникову вдовами и матерями погибших¹⁰⁸.

12 августа 1807 г. было заключено Слободзейское перемирие. Военные действия временно прекратились и были возобновлены лишь в конце марта 1809 г.

В связи с прекращением военных действий волонтерские соединения были выведены из зоны сражений и расквартированы по городам и селам, а впоследствии (с конца 1807 г. и в течение 1808 г.) распущены¹⁰⁹, за исключением одного полка валашских казаков¹¹⁰ и отчасти пандурских соединений, переформированных в своего рода земскую милицию. С этого времени последние использовались для несения пограничной службы и для подавления гайдуцкого движения внутри страны¹¹¹. Бугские казаки были отправлены в Галицию для несения пограничной службы.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, л. 246.

¹⁰⁶ Там же, л. 187.

¹⁰⁷ Там же, д. 2900, л. 152 об. См. там же, лл. 155—156: бежавший из плена волонтер Андрей Сухаров рассказывает, что видел во дворе у турок много отрезанных голов волонтеров.

¹⁰⁸ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 11 об.; д. 15, л. 43; д. 3723, л. 2.

¹⁰⁹ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 51, л. 15; д. 74 л. 38 об.

¹¹⁰ В период перемирия (август 1807 — март 1809 г.) сохранные 5 эскадронов валашского полка продолжали нести службу в Бухаресте и на пограничных постах по Дунаю: в селах Жигале, Лице, Рушеведе и в м. Слатине. Краткую историю этого полка можно проследить из документов, хранящихся в ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, дд. 74, 174, 2176.

¹¹¹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2381, лл. 4—5; д. 130, лл. 4—5.

Одной из основных причин роспуска волонтерских отрядов (молдавских полков Кантакузина, Усть-Дунайского войска, Одесского греческого корпуса Пангало, валашских арнаутов, части пандуров и валашских казаков и т. д.) было то, что содержание бездействующих волонтеров дорого обходилось казне и было слишком обременительным для населения. Достаточно сказать, что согласно ведомостям по вистерии за один только 1807 г. на содержание валашских волонтеров было израсходовано 154 888 пиастров¹¹².

Другой важной причиной роспуска волонтеров был уход их в гайдуки. В период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. классовая борьба крестьян и городских низов против своих угнетателей — местных бояр и купцов — усилилась¹¹³. Тяжелое положение крестьян побудило многих волонтеров крестьянского происхождения использовать свое оружие для борьбы теперь уже против своих внутренних врагов — местных эксплуататоров. Отдельные вооруженные волонтеры, горевшие ненавистью к угнетателям, становились гайдуками¹¹⁴. Гайдуцкое движение¹¹⁵ получило особенно сильное развитие во время приостановки военных действий. Поэтому роспуск волонтеров означал прежде всего их разоружение.

В 1808 г. главнокомандующий А. А. Прозоровский писал С. С. Кушникову о волонтерах корпуса Пангало: «...открылись многие грабительства и насильства, произведенные сим войском внутри своей земли, которой оное должно было быть защитой»¹¹⁶. Часть волонтеров в период вынужденного бездействия возвращалась в свои села, где некоторые из них становились организаторами выступлений крестьян против своих угнетателей. Так, например, откупщик монастырского имения Константин Помер жалуется на нападение «шайки» крестьян во главе с *вооруженным арнаутом* (журсив наш. — Г.Г. и Р.Д.), ранившим при этом жену управителя имения¹¹⁷.

Представители гражданской администрации обращались к главнокомандующему Молдавской армией с просьбой о роспуске волонтерских полков, как о мере предосторожности против того, чтобы они «не обращались с прочими бродягами к злодеянию»¹¹⁸.

Румынский буржуазный историк Р. Росетти пишет, что все более

¹¹² ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 4, лл. 15 об., 19 об.

¹¹³ В ЦГА МССР, ф. сенаторов, имеется много документов, иллюстрирующих это положение. См., например, д. 3058, лл. 1, 4; д. 3065, л. 2; д. 2785, лл. 6, 9; д. 2685, лл. 28—29; д. 2531, лл. 1—2; д. 2911, лл. 16—17; д. 2573, л. 116.

¹¹⁴ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 19.

¹¹⁵ Господствующие классы того времени называли гайдуков — народных мстителей «грабителями», «разбойниками», а гайдучество квалифицировали, как «грабеж», «насилие», «разбой на больших дорогах» и т. д. В том, что это были не просто «грабежи» и «насилия», а классовая борьба, мы убеждаемся из анализа классовой направленности совершаемых в этот период «грабежей» и «насилий» (против бояр, местных чиновников, купцов). Участники этих вооруженных нападений находили сочувствие и поддержку в социальных низах местного населения. Наконец, для борьбы с гайдучеством гражданской администрации совместно с военным командованием была разработана специальная программа действий: против гайдуков посылались воинские команды, в результате чего основные гайдуцкие отряды в Молдавии (Бужора, Топуза) и Валахии (отряд с острова Ада-Кале) были разгромлены, а их руководители казнены. См. ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 2573; д. 2018, лл. 1—2; д. 130, лл. 16—17; д. 2463, лл. 1, 4; д. 2435, лл. 18, 19; д. 3248, лл. 20—21; д. 2638, лл. 1—2; д. 3064, лл. 2, 11; д. 466, л. 45; д. 1838.

¹¹⁶ М. И. Кутузов, стр. 112.

¹¹⁷ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3085, лл. 1—2.

¹¹⁸ Там же, д. 2176; лл. 144—145.

участвовавшие и усилившиеся «грабежи» в княжествах привели к тому, «...что русская администрация приказала отобрать все оружие, какого бы рода оно ни было, имеющееся...»¹¹⁹ у волонтеров.

Следует, однако, сказать, что роспуск волонтерских полков, как свидетельствуют документы, не только не ослабил, а еще более усилил гайдуцкое движение. Так, в приказе А. А. Прозоровского от 9 декабря 1807 г. о роспуске волонтеров говорится: «Ныне до сведения моего доходит, будто бы оные (волонтеры. — Г.Г. и Р.Д.), распущенные под названием российских волонтеров и офицеров, делают по селениям наглости и грабежи...»¹²⁰.

Вступив на пост главнокомандующего Молдавской армией, М. И. Кутузов 22 мая 1811 г. доносил царю, что еще задолго до его приезда «...открылись в здешних княжествах по большим дорогам и в других местах разбой... Сколько можно заметить, то наглость сия происходит от дезертировавших в прошедшую кампанию пандур...»¹²¹.

Р. Росетти пишет, что в Валахии «грабительства» совершались в основном войнами «Константина Ипсиланти: распущенными молдаванами, греками, сербами, болгарами, местными и австрийскими румынами»¹²².

Роспуск волонтерских соединений не означал отказа русского военного командования от использования волонтеров в будущих военных действиях. На протяжении всего последующего периода войны вновь производился набор волонтеров, однако уже на несколько других началах. Состояние бюджета Дунайских княжеств не позволяло русскому командованию заняться формированием крупных волонтерских соединений за счет местных средств, как это было на первом этапе войны. Поэтому в период подготовки к новому наступлению (конец 1808—начало 1809 г.), наряду с новым набором и формированием волонтерских отрядов (гораздо меньших по размеру, чем в начале войны) большое значение придавалось набору добровольцев непосредственно в полки русской армии. Это было вызвано также стремлением военного командования улучшить дисциплину и повысить боеспособность волонтеров.

Командование Молдавской армии, приступая к новому набору добровольцев, учитывало наличие в княжествах большого числа арнаутов (волонтеров), обученных военному делу и готовых сражаться в составе русской армии. Так, отряжая поручика Богдановича для вербовки в Волынский уланский полк, М. И. Кутузов назначает ему места — Бухарест и Крайову, с пояснением, что здесь «остается еще множество арнаутов и людей вольных, бывших в уничтоженных войсках князя Ипсиланти»¹²³.

Председательствовавший в Молдавском и Валашском диванах С. С. Кушников снабжал вербовщиков точными правилами, которые опубликовывались в местах вербовки и которыми вербовщики должны были руководствоваться. Особенно подчеркивалась необходимость вербовать людей только свободного состояния. Для этого вербовщики должны были держать тесную связь с земскими властями «и не иначе совершать прием в службу людей, как... по письменным свидетельствам

¹¹⁹ R. Roselli, ук. соч., т. III, стр. 32—33.

¹²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2900, л. 434 об.

¹²¹ М. И. Кутузов, т. III, стр. 106—107.

¹²² R. Roselli, ук. соч., т. II, стр. 77.

¹²³ М. И. Кутузов, т. III, стр. 64—65.

означенных земских чиновников..., что вербуемые люди суть из свободного состояния»¹²⁴. Вербовка должна была производиться только по подпискам самих вербуемых людей в том, что «они поступают в службу по собственному своему желанию без наименьшего принуждения»¹²⁵.

В местах, где производился набор, опубликовывались также условия, на каких добровольцы зачислялись в полки. Вот, например, условия («кондиции») арнаутского летучего корпуса, вошедшего в состав Лубенского гусарского полка:

«1. Раненые должны лечиться, как и другие регулярные войска.

2. Сколько добычи взято ими будет от неприятеля, оставаться должно у них яко благоприобретенное по военным правилам.

3. Порох, свинец и фураж для лошадей [выдавать так же — Г.Г. и Р.Д.], как и для всей кавалерии, равно провиант, с мясом и водою.

4. У кого есть семейство и свой дом здесь, в Валахии и Молдавии, постоя держать и подати платить не будут во время нахождения их на службе.

5. Как скоро вышеписанную кондицию начальники держать не будут и записанные арнауты не будут получать себе обещанное здесь, всякой может отказаться от службы, получивши аттестат от своего командира по его заслуге»¹²⁶.

Отсюда видно, что роспуск волонтеров был вызван не отсутствием у них боеспособности на первом этапе войны, как это пытались доказать Р. Росетти и другие румынские буржуазные историки, писавшие под влиянием мемуаров Ланжерона. Русское командование ценило помощь волонтеров и потому на новом этапе войны стремилось провозглашением новых правил и условий привлечь как можно больше добровольцев в русскую армию. Именно поэтому в воззваниях всемерно подчеркивается принцип строгой добровольности и дается обещание о предоставлении волонтерам наиболее выгодных льгот, а именно — освобождении от платежа податей и воинского постоя.

В архивных материалах встречается немало документов, свидетельствующих о том, что многие волонтеры изъявляли желание записываться в полки русской армии. Много волонтеров было в командах генерал-лейтенантов Засса, Исаева и других.

С августа-сентября 1808 г. началось комплектование Волынского уланского и Лубенского гусарского полков добровольцами из местного населения. В приказе А. А. Прозоровского от 10 сентября 1808 г. указывалось, что присланный в Молдавскую армию Волынский уландский полк нуждается в укомплектовании людьми, для чего приказано «...добробовать оных в сих княжествах»¹²⁷. Проведение вербовки местных добровольцев в Лубенский гусарский полк было возложено на ротмистра Ярри¹²⁸ и в Волынский — вначале на поручика Богдановича¹²⁹, а позже (с марта 1809 г.) на корнета Гримайлова¹³⁰. Много бывших волонтеров и новых добровольцев записывалось в эти полки. Уже через 9 дней после получения приказа Прозоровского приступить к вербовке добровольцев в Лубенский гусарский полк ротмистр Ярри хлопочет перед С. С. Кушниковым о высылке ему подвод для отправки

¹²⁴ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 743, л. 4.

¹²⁵ Там же, л. 4 об.

¹²⁶ Там же, д. 366, л. 26.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2876, л. 28.

¹²⁸ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 366, лл. 1—2.

¹²⁹ М. И. Кутузов, т. III, стр. 64—65.

¹³⁰ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 743, л. 1.

новозавербованной команды в полк¹³¹. К открытию военных действий в марте 1809 г. Лубенский и Волынский полки были полностью укомплектованы.

Помимо волонтеров, завербованных непосредственно в полки регулярной армии (число их нам не удалось установить), на базе сохранившейся пандурской милиции были вновь сформированы 4 полка пандурской пехоты в количестве более 4000 человек¹³² и одна команда конных волонтеров — «хорватов»¹³³ в количестве 500 человек¹³⁴, действовавших как самостоятельные единицы в составе корпуса Исаева. Были заново созданы также несколько Одесских греческих батальонов и ряд отдельных волонтерских отрядов. Бугские казаки на втором этапе войны продолжали нести пограничную службу в Галиции, на польской границе¹³⁵.

Следует, однако, отметить, что при всех успехах в наборе волонтеров на данном этапе военных действий не замечается такого массового подъема и энтузиазма в волонтерском движении, какой был в начальный период войны. Объясняется это главным образом тем, что на первом этапе турецкие войска с территории княжеств были изгнаны и основной театр военных действий теперь переносился за пределы княжеств. Тем самым, естественно, интерес местного населения к непосредственному участию в сражениях с врагом несколько снизился.

Большая часть набранных волонтеров (Волынский уландский полк, пандурские полки, команда «хорватов», греческие батальоны и др.) вошла в состав резервной армии, главным назначением которой было защищать оба княжества от возможных набегов турецких войск в период наступательных действий основных сил русской армии на правом берегу Дуная, в Болгарии. Кроме того, резервный корпус должен был развернуть активные действия у крепостей Измаил, Браила и Джурджу и тем самым, отвлекая на себя часть турецких сил, облегчать наступление действующей армии, а также двигаться на подкрепление сербам, вновь вступившим в неравную борьбу с турками.

В журналах военных действий за 1809—1812 гг. имеется много сведений об участии волонтеров в сражениях с турецкими войсками у селений Друя и Извор¹³⁶, Русанешты и Чилиены¹³⁷ и у других пограничных постов.

12 сентября 1809 г. русские войска штурмом овладели Измаилом, единственной крепостью на левом берегу Дуная, еще бывшей в руках турецких войск. В штурме Измаила активное участие принимали молдавские волонтеры¹³⁸.

В Малой Валахии и Сербии активно действовали волонтеры, входившие в состав корпуса Исаева. Известно об участии их в штурме крепости Фетислам¹³⁹, в сражениях у Марко-Пряче¹⁴⁰, а также во всех совместных с сербами сражениях на правобережье Дуная. Русское командование отдавало должное стойкости пандуров, действовавших в корпусе Исаева, отмечая, что: «...в течение сей кампании пандуры весь-

¹³¹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 366, л. 6.

¹³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2929, л. 136 об.

¹³³ В источниках их называют хорватами, арнаутами, сербами.

¹³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2881, л. 1.

¹³⁵ Там же, д. 2929, л. 234.

¹³⁶ Там же, д. 2918, л. 131.

¹³⁷ Там же, л. 135.

¹³⁸ Там же, л. 351.

¹³⁹ Там же, д. 394, ч. V, л. 403.

¹⁴⁰ Там же, д. 394, ч. VI, л. 1; д. 2918, л. 124.

ма великую принесли пользу и в укреплениях заменяли нашу пехоту, из которой, по малому нашему числу, уделять было трудно»¹⁴¹.

Перенесение основных военных действий на правый берег Дуная, вступление русских войск на территорию Сербии и Болгарии увеличили надежды народов этих стран на свое освобождение и воодушевили сербов и болгар, проживавших на территории княжеств и Бессарабии.

Видя энтузиазм и желание сербов и болгар участвовать в военных действиях, русское военное командование в 1810 г. приказало сформировать на территории княжеств Сербский казачий полк во главе с отличившимся в 1807 г. Никичем¹⁴². С этим полком Никич был отправлен в Сербию, «... где командовал с отличностью большей частью сербской кавалерией»¹⁴³.

По мере наступления русских войск в сражениях участвовали также стихийно созданные отряды болгарских переселенцев из-за Дуная¹⁴⁴. Высоко оценив боеспособность болгарских отрядов, М. И. Кутузов в 1811 г. поручил командующему войсками в Турно генерал-майору Турчанинову сформировать из болгарских добровольцев команду, которую, разделив на сотни и вооружив, использовать для совместных с русскими войсками действий против турецких войск¹⁴⁵. В этом же году по инициативе М. И. Кутузова было создано Болгарское земское войско из вооруженных болгар, «...кои добровольно желают служить в составе земского войска...»¹⁴⁶. Во главе войска был поставлен Д. П. Ватикноти, до этого служивший в волонтерах¹⁴⁷. Задачей Болгарского земского войска была защита границы по левому берегу Дуная. При желании болгары-волонтеры могли участвовать совместно с частями Молдавской армии в военных действиях на правобережье Дуная¹⁴⁸.

Приведенные данные показывают, что и в период наступательных действий русской армии 1809—1812 гг. местные волонтеры, в содружестве с русскими войсками, активно сражались против войск Оттоманской Порты, способствуя тем самым победному завершению войны, результатом которой было присоединение Бессарабии к России¹⁴⁹.

Из рапортов и донесений о состоявшихся сражениях, а также из салвагвардий и аттестатов, выданных волонтерам военным командованием, мы узнаем о многочисленных фактах усердия, мужества и храбрости, проявленных волонтерами на всем протяжении войны¹⁵⁰.

Неоднократно отмечаются храбрость волонтеров в сражениях у осажденного Измаила¹⁵¹, заслуги «черносербских» гусар¹⁵² и пандуров¹⁵³. Про-

славившись своей смелостью командиры волонтерских команд Тудор Владимиреску¹⁵⁴, Дмитрий Македонский¹⁵⁵, Никич¹⁵⁶, Шемпют¹⁵⁷ и др.

Отличившихся волонтеров представляли к наградам и различного рода поощрениям. Так, за стойкость и мужество в сражениях у с. Еникюй, Карманкюй и Китай был представлен к награде командир греческого батальона Фотаки¹⁵⁸. Арнауцкий старшина Нене получил серебряную медаль за храбрость, проявленную при взятии крепости Ловча (1810 г.)¹⁵⁹. Волонтеры Дунайской флотилии за взятие Аккермана и Паланки получили в награду по 1 рублю серебром¹⁶⁰.

Наиболее отличившихся волонтеров русское командование поощряло также повышением в чине. Например, Тудор Владимиреску в 1808 г. за усердие к службе, инициативу и мужество был возведен в чин поручика с награждением орденом Св. Владимира, а в 1810 г. был назначен командиром всего пандурского корпуса¹⁶¹. В 1811 г. старшина Нене получил чин поручика¹⁶².

Выданные волонтерам — участникам войны 1806—1812 гг. салвагвардий и аттестатов, подтверждавшие службу в Молдавской армии, давали право на освобождение от повинностей и податей¹⁶³. Председательствовавший в диванах Молдавии и Валахии В. И. Красно-Милашевич в 1812 г. предложил Молдавскому дивану освободить от податей и повинностей дом вдовы прапорщика Гиржева, «...приемля во уважение недостаточное состояние..., заслуги мужа ее¹⁶⁴ и то, что сын ее..., находясь в российской службе, убит в сражении»¹⁶⁵. Активный участник войны, молдаванин из Фокшан Демьян Лазарев, который несколько раз был посылаем генерал-майором Ушаковым «...шпионом для узнавания числа и движения турецких войск даже и в самую крепость Бранлов...», был освобожден от земских податей и повинностей¹⁶⁶.

Многие документы говорят, однако, и о том, что исправники и другие чиновники на местах нередко в целях личного обогащения притесняли семьи пандур, арнаутов, а также самих волонтеров, которые, после расформирования их полков, возвращались по домам. Например, в 1808 г. 12 арнаутов подают жалобу С. С. Кушникову на исправников Фальчинского и других цынутов, несправедливо налагавших на них подати и повинности, прося при этом избавить их «от всех податей и нала-

ков и арнаутов Пелч, которые «...мужеством и храбростью подавали пример своим подчиненным, поражали неприятеля...» Исаев отличает также валахских казаков, взявших у турок одно знамя, и капитана бухарестских пандуров Миноса, который «...будучи под командой полковника Курта, исполняя его приказания, оказал свою храбрость в сем действии, быв примером неустрашимой храбрости подчиненным» См. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, лл. 181—182.

¹⁵⁴ S. Știrbu, ук. соч., стр. 173—174.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ М. И. Кутузов, т. III, стр. 389—390.

¹⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2877, лл. 114—116.

¹⁵⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2882, л. 119.

¹⁵⁹ М. И. Кутузов, т. III, стр. 586.

¹⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2900, л. 214.

¹⁶¹ S. Știrbu, ук. соч., стр. 173.

¹⁶² М. И. Кутузов, т. III, стр. 586.

¹⁶³ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 2; д. 2381, лл. 4—5; д. 366, л. 27—28. В деле № 366 приведен список 20 волонтеров, освобожденных от повинностей и податей; ф. 6, оп. 2, д. 135, л. 24.

¹⁶⁴ Гиржев известен как участник русско-турецкой войны 1787—1791 гг. См.: И. В. Семенова, ук. соч., стр. 91.

¹⁶⁵ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 3723, л. 2.

¹⁶⁶ Там же, д. 3618, л. 1.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2887, л. 219.

¹⁴² М. И. Кутузов, т. III, стр. 389—390.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, стр. 444—445.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ К. Крыжановская, Е. Руссов, ук. соч. стр. 6.

¹⁴⁷ Там же, стр. 7.

¹⁴⁸ Там же, стр. 6.

¹⁴⁹ О прогрессивном значении присоединения Бессарабии к России, см.: Я. С. Гросул. Слобозия Молдовой де суб жугул феодал-турчешк ши униря ей ку Русия. «Октомврие», № 6, 1949, стр. 81—88.

¹⁵⁰ ЦГА МССР, ф. 6, оп. 2, д. 135, лл. 23—24; ф. 1, оп. 1, д. 3885, лл. 2—4; д. 3618, л. 3.

¹⁵¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2882, лл. 33, 309, 310—313; д. 2918, л. 351.

¹⁵² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2881, лл. 15—16.

¹⁵³ В представленных генералом Исаевым списках отличившихся в сражениях у с. Изворы первыми названы командир пандуров Курт и командир валахских каза-

гательств, ибо за усердие к отечеству и верноподданничество безвинно... обижены»¹⁶⁷.

Большое число волонтеров вместе с русской армией по окончании войны покинуло княжества. Многие поселились в Бессарабии: в Кишиневе, Бендерах, Килии и Оргееве¹⁶⁸, часть — в Новороссийском крае и других местах России¹⁶⁹.

За оказанную помощь в войне русская администрация на протяжении многих лет и после войны продолжала освобождать волонтеров, поселившихся в Бессарабии, от повинностей и податей. Так, 11 апреля 1817 г. Бессарабский временный комитет ходатайствует об освобождении от налогов и земских повинностей волонтеров — участников войны 1806—1812 гг. на том основании, что «...люди, в волонтерских полках бывшие, поступали в оные добровольно, по объявлению, при начале кампании делаемому, что они, быв употреблены в действии противу неприятеля, *показали разные отличия* и получили многие раны, как доказывают имеющиеся у них подлинные документы российских воинских начальств»¹⁷⁰ (курсив наш. — Г.Г. и Р.Д.).

Часть волонтеров впоследствии активно участвовала в Отечественной войне 1812 г.¹⁷¹.

Рассмотренные нами факты позволяют сделать следующие выводы:

1. Волонтерские отряды, состоявшие из представителей различных этнических групп Дунайских княжеств и Балканских стран, внесли свой посильный вклад в успешный исход русско-турецкой войны 1806—1812 гг.

2. По степени своего развития волонтерское движение можно разделить на 2 этапа:

1-й, высший — с начала войны до Слободзейского перемирия (1806—1807 гг.), когда наблюдается большой подъем и энтузиазм, вызванный желанием изгнать турецких захватчиков с территории своей родины,

2-й — (период наступательных операций 1809—1812 гг.) — когда, в связи с перенесением военных действий за пределы княжеств, степень активности коренного населения несколько снизилась. Большая активность на данном этапе наблюдается среди задунайских переселенцев (болгар, сербов и других), проживавших ранее, а также поселенных в период войны на территории этих княжеств.

3. Своим участием в военных действиях против общего врага, самоотверженной борьбой бок о бок с прославленными русскими войсками волонтеры вписали славную страницу в историю многовековой дружбы народов Дунайских княжеств и Балканского полуострова с народами России.

¹⁶⁷ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 174, л. 2.

¹⁶⁸ ЦГА МССР, ф. 4, оп. 1, д. 92, лл. 17, 18, 22, 24, 31—34; ф. 1, оп. 1, д. 366, лл. 27—28. В Оргеевском уезде, по сведениям 1817 г., проживало 27 волонтеров.

¹⁶⁹ ЦГА МССР, ф. 1, оп. 1, д. 4245, лл. 1—3; д. 6, лл. 20, 37; д. 74, лл. 42, 43, 45, 47, 53; ф. 2, оп. 1, д. 53; ф. 6, оп. 2, д. 135; ф. 4, оп. 1, д. 92, лл. 36, 65, 66.

¹⁷⁰ К. Н. Крыжановская, Е. М. Руссов, стр. 372.

¹⁷¹ G. Bezviconi, ук. соч., стр. 186.

Г. С. ГРОСУЛ, Р. В. ДАНИЛЕНКО

КУ ПРИВИРЕ ЛА ПАРТИЧИПАРЯ ВОЛУНТАРИЛОР ДИН ПРИНЧИПАТЕЛЕ ДУНЭРЕНЕ ЛА РЭЗБОЮЛ РУСО-ТУРК ДИН АНИЙ 1806—1812

Резумат

Проблема партиципэрий волунтарилор локаль ын рэзбоюл русо-турк дин аний 1806—1812 де партя Русией е ынкэ пущин черчетатэ ын литература историкэ.

Пе база документелор, дескоперите ын архивеле советиче, ауторий фак ынчеркаря де а оглинди акциуниле милитаре але волунтарилор ын аний 1806—1812, акциунь каре маркязэ о етапэ ынсемнатэ ын лупта де елибераре националэ, дусэ де нороаделе дин Принципипателе Дунэрене ши челе дин пенинсула Балканикэ, субжугате де кэтре феудалий турчь.

Партиципэрия волунтарилор локаль ла рэзбоюл русо-турк дин аний 1806—1812 се експликэ прии тендинца нороаделор дин Принципипателе Дунэрене де а кучери ку ажурол Русией елибераря цэрилор лор де суб жугул отоман.

Дулэ градул ей де дезволтаре, партиципэрия волунтарилор ла операциле милитаре але оштирилор русешть се поате ымпэрти ын доуэ етапе:

1. — купринде периоада де ла ынчепутул рэзбоюлуй пынэ ла армиистициул де ла Слобозия (1806—1807). Ын ачастэ периоадэ се обсервэ ун маре энтузиазм ши авынт политик. Волунтарий, конституинд дегашементе, партиципэ актив ла акциуниле милитаре але арматей русешть.

2. — купринде периоада анилор 1809—1812. Аре лок ун ноу авынт ын партиципэрия волунтарилор ла рэзбой. Спечификул есте, ынсэ, кэ: одатэ ку тречеря операциилор милитаре пе малул дрепт ал Дунэрий волунтарий молдовень ши валахь партиципэ ла рэзбой ынтр'ун нумэр май мик; о активитате май маре се констатэ ынсэ ын рындуриле колоништилор траноданубиень (булгарь, сырбь ши а.).

Пентру бэрбэция, де каре ау дат довадэ ын лупте, мулць волунтарь ау фост декорачь, яр алтора ли с'ау дат премий ын бань.

Прии партиципэрия лор ла акциуниле милитаре ымпотрива душманулуй комун. прии лупта дырзэ алэтурь де слэвителе оштирь русешть волунтарий ау ынскрис о пажинэ луминоасэ ын история приетенней де вякурь молдо-русо- ромыне ши шь-ау адус оболул ла бируинца ымпотрива оштирилор турчешть ын рэзбоюл дин аний 1806—1812.

К. П. КРЫЖАНОВСКАЯ, Е. М. РУССЕВ

О НЕКОТОРЫХ ФОРМАХ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ ЗАДУНАЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В БЕССАРАБИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX ВЕКА

Освоение пустынных южнобессарабских степей в начале XIX века имело для русского царизма первостепенное значение как во внутриполитическом, так и во внешнеполитическом плане. Заселение плодородных земель южной Бессарабии главным образом колонистами и благоустройство этого края должно было принести существенные доходы казне и создать для царизма социальную опору на юго-западной окраине империи. Кроме того, колонизационные мероприятия царской администрации должны были также сыграть весьма существенную роль в проведении политики России на Балканах. Внешнеполитический аспект этой колонизационной политики имел для царизма тем большее значение, что заселение Буджака проводилось царским правительством главным образом за счет задунайских переселенцев — выходцев из поработенных султанской Турцией балканских стран. По авторитетному определению статс-секретаря по иностранным делам графа И. А. Каподистрия, Бессарабия «...по желанию государя должна в глазах жителей соседних стран казаться местом отдохновения и благополучия»¹. Предстать в глазах христианских подданных султана освободителем и благодетелем, усилить свой авторитет на Балканах царизм мог с тем большим успехом, чем лучше была бы устроена участь переселенцев в Бессарабии. Именно этими соображениями и руководствовалось царское правительство в своей колонизационной политике, широко открывая доступ на земли Бессарабии и Новороссии задунайским переселенцам и обещая им различные льготы и привилегии.

Тяжелая доля болгар, сербов и гагаузов под пятой османских работодателей, радужные перспективы, которые щедрый на посулы царизм рисовал переселенцам в случае перехода их в пределы Российской империи, — все это привело к тому, что русско-турецкая война 1806—1812 гг. ознаменовалась массовым выходом христианских подданных султана из Болгарии и Сербии и заселением ими пустынных земель Валахии, запрутской Молдавии и, главным образом, Бессарабии.

Мы не будем останавливаться на вопросе о том, как происходило заселение Бессарабии, ибо этому посвящены специальные исследования как русских дореволюционных, так и советских ученых². Из боль-

¹ *Л. А. Кассо*. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913, стр. 216.

² *А. Скальковский*. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848; *А. Клаус*. Наши колонии. Вып. 1, СПб., 1869; *И. И. Мецгерюк*. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века. «Известия

шого комплекса вопросов, связанных с устройством задунайских переселенцев в Бессарабии, мы постараемся осветить только различные формы борьбы, к которым прибегали переселенцы в ходе их все усиливающегося давления на царизм, дабы заставить царское правительство предоставить торжественно обещанные им права и привилегии.

Угроза закабаления их бессарабскими помещиками-крепостниками³ придавала переселенцам тем большее упорство. Борьба их с каждым днем расширялась и достигла во втором десятилетии XIX века особой остроты и напряженности. Именно эта борьба и явилась одной из серьезных предпосылок предоставления задунайским переселенцам колонистских прав, законодательно закрепленных царским указом от 29 декабря 1819 г. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют материалы недавно вышедшего сборника документов⁴, из которого и черпаем мы материал для настоящего сообщения.

Первоначальные наметки особого статуса задунайских переселенцев Бессарабии были сделаны выдающимся русским полководцем М. И. Кутузовым, который, в качестве главнокомандующего русских войск, 26 апреля 1811 г. в своем обращении к «переселяющимся с правой на левую сторону Дуная обывателям христианского исповедания» торжественно обещал им трехгодичное освобождение от земских податей и повинностей, независимость от Диванов Дунайских княжеств, особое управление их русскими офицерами, «без всякого в том влияния земских исправников»⁵.

Бесчинства турецких поработителей, надежды на избавление из-под ненавистного иноземного ига, непоколебимая вера в освободительную миссию России на Балканах и заманчивые перспективы, которые царизм рисовал христианским подданным султана, привели к массовому переселению болгар и гагаузов в Бессарабию. Однако действительность, с которой они столкнулись на месте, оказалась далеко не столь привлекательной. Обещанные для поселения земли им не были отведены, права и привилегии не предоставлены и, как это отмечал 16 февраля 1812 г. лично М. И. Кутузов, «переведенные из-за Дуная в разные времена болгары не имеют даже твердого пристанища и скитаются по разным местам здешних Княжеств»⁶.

Будучи предоставлены самим себе, задунайские переселенцы в Бессарабии обосновались как на казенных, так и на частновладельческих землях. Следует особо отметить, что, поселяясь на частновладельческих землях, они этого существенного факта не ведали, полагая, что все степные просторы Буджака, на которых ранее проживали татары, принадлежат российской казне.

Начавшаяся Отечественная война 1812 г. заставила правительство отложить устройство задунайских переселенцев на началах, объявленных М. И. Кутузовым. Тысячи болгарских и гагаузских крестьян очутились в весьма тяжелом положении.

Молдавского филиала АН СССР», № 3—4 (11—12), 1952, стр. 65—95; Н. Н. Казаков. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией 1806—1812 годов. «Вопросы истории», № 6, 1955, стр. 42—55; Н. Н. Мецкерюк. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812—1820 гг., Кишинев, 1957.

³ См.: К. П. Крыжановская, Е. М. Руссеев. К вопросу о деятельности декабриста А. П. Юшневского по устройству задунайских переселенцев в Бессарабии. «Ученые записки» Ин-та истории МФ АН СССР, т. VI. Кишинев, 1957, стр. 99—134.

⁴ Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского. Сборник документов. Составители К. П. Крыжановская и Е. М. Руссеев. Кишинев, 1957. В дальнейшем при ссылках: «Сборник документов».

⁵ Сборник документов, стр. 1.

⁶ Там же, стр. 30.

Бесчинства и произвол местных властей, грабежи и беззакония откупщиков казенных доходов Бессарабии, и, наконец, все более угрожающие поползновения бессарабских крепостников закабалить обосновавшихся на помещичьих вотчинах переселенцев — все это привело мирных болгарских и гагаузских труженников в отчаяние и одновременно породило твердую решимость бороться за свои права, столь торжественно обещанные царизмом, но пока не предоставлявшиеся. Формы борьбы, к которым они прибегали с целью давления на правительство, отличались известной гибкостью и разнообразием.

Переселенцы очень часто обращались с жалобами как к находящимся при них приставам⁷, так и к управляющему Бессарабской областью И. М. Гартингу⁸ и, наконец, к главнокомандующему II армией генерал-лейтенанту Л. Л. Беннигсену⁹.

Особый интерес представляет прошение переселенцев от 8 сентября 1815 г., адресованное Л. Л. Беннигсену. Переселенцы просили наделения их казенной землей по берегу Дуная, предоставления тем из них, которые жительствоваали в помещичьих имениях, права перехода на казенные земли, формирования из выходцев из-за Дуная Болгарского земского войска на правах казачьего Войска Донского и, наконец, назначения особого попечителя, который заботился бы об их устройстве и благосостоянии¹⁰. Беннигсен своим рапортом на имя Александра I поддержал эту просьбу задунайских переселенцев, обосновав соответствующим образом целесообразность ее удовлетворения¹¹.

Приступив к разрешению этого политически острого вопроса, правительство в 1816 г. предписало создать на местах специальную комиссию по сбору сведений о задунайских переселенцах в Бессарабии. Возглавляемая будущим декабристом А. П. Юшневским, комиссия эта проделала большую и плодотворную работу по установлению действительного состояния дел в вопросе устройства задунайских переселенцев, заняв решительную позицию по их защите от притеснений местных властей и помещиков¹². Об этом свидетельствуют многочисленные рапорты, с которыми комиссия обращалась к Л. Л. Беннигсену¹³ и к полномочному наместнику Бессарабской области А. Н. Бахметеву¹⁴.

В свою очередь Л. Л. Беннигсен препровождал полученные им жалобы и прошения переселенцев в Петербург, откуда следовали предписания в Кишинев разобрать на месте поступающие материалы¹⁵.

Наконец, видя, что никакого улучшения в их судьбе не происходит, задунайские переселенцы в 1818 г. обратились непосредственно к Александру I с прошением, в котором жаловались на то, что обещанной земли они не получили, права колонистов им не предоставлены, а переселенцы, имевшие несчастье обосноваться на землях помещиков, последними удерживаются на месте насильно¹⁶.

Все эти непрекращавшиеся жалобы и прошения призваны были обратить внимание правительства на тяжелую участь переселенцев. Од-

⁷ Сборник документов, стр. 79—86.

⁸ Там же, стр. 89.

⁹ Там же, стр. 100.

¹⁰ Там же, стр. 101.

¹¹ Там же, стр. 102—103.

¹² Подробнее об этом см.: К. П. Крыжановская, Е. М. Руссеев, ук. соч.

¹³ Сборник документов, стр. 149—162.

¹⁴ Там же, стр. 224—225, 233 и др.

¹⁵ Там же, стр. 230.

¹⁶ Там же, стр. 506.

нако, пока шла бесконечная бюрократическая переписка между отдельными ведомствами Российской империи, пока собирались различные сведения и обсуждались мероприятия по переселенческому вопросу, задунайские переселенцы продолжали испытывать гнет местных властей и помещиков-крепостников.

Вот почему, не довольствуясь одними лишь прошениями и жалобами, сыгравшими известную роль хотя бы в том отношении, что переселенческий вопрос был поставлен в повестку дня, переселенцы прибегали и к более действенным мерам.

Основываясь на обещанных им правах и привилегиях, переселенцы Гречанского, Измаильского, Кодрского и Хотарничанского цынутов отказывались от уплаты бира¹⁷, которым облагалось податное население Бессарабии. Свое сопротивление занесению в списки плательщиков бира переселенцы мотивировали тем, что «... они записались в Болгарское казачье войско»¹⁸ и тем самым к податному сословию не принадлежат. Сопротивление отдельных переселенческих сел, в частности Вулканешт и Хаджи-Абдула, продолжалось на протяжении ряда лет и, несмотря на все старания властей, упорство крестьян, как об этом свидетельствуют документы, не удавалось сломить¹⁹.

Одной из наиболее распространенных форм борьбы задунайских переселенцев против гнета помещиков-крепостников являлся самовольный уход с помещичьих на казенные земли. С переходом на последние переселенцы избавлялись от несения разорительных повинностей в пользу своих алчных господ, уходили от нависшей над ними угрозы закабаления и явочным порядком разрешали один из животрепещущих вопросов устройства их на началах, объявленных еще в 1811 г. М. И. Кутузовым.

Бессарабские помещики, посессоры помещичьих имений и откупщики бьют тревогу²⁰, жалуются на то, что собственными силами не могут удержать переселенцев, уходящих на казенные земли большими группами, готовых силой открыть себе путь к избавлению от помещичьей кабалы. Красноречивы в этом отношении сетования посессора Г. Казимира, который в своем уведомлении от 16 апреля 1816 г. сообщает помещику Я. Балшу о том, что удержать крестьян селений Чадыр, Менжир и Орак Хотарничанского цинута «по случаю приготовления их к переселению по 50 человек разом и намерения завести драку никто не в состоянии»²¹.

При переходе на казенные земли переселенцы упсмянутых сел разбирали принадлежавшие им строения и перевозили стройматериал на место нового поселения²².

Вместе с задунайскими переселенцами на казенные земли уходили и коренные молдавские крестьяне²³.

Классовая солидарность задунайских переселенцев и молдавских крестьян, боровшихся против помещичьей кабалы и произвола местных властей, находила яркое проявление не только в совместном уходе их на казенные земли. Документально засвидетельствовано, что задунай-

¹⁷ Сборник документов, стр. 129, 138.

¹⁸ Там же, стр. 145.

¹⁹ Там же, стр. 528, 532.

²⁰ Там же, стр. 78, 92, 95, 103.

²¹ Там же, стр. 168.

²² Там же, стр. 183, 387.

²³ Там же, стр. 90, 236, 403, 405.

ские переселенцы, проживавшие на казенных землях, скрывали в своих селах беглых молдавских крестьян, чтобы последним «наравне с переселенцами доставить льготу в обязанностях земских»²⁴. Несмотря на уговоры, переселенцы отказывались выдавать властям беглых молдавских крестьян²⁵. Более того, известны случаи, когда на попытки властей силой изъять молдавских крестьян, скрывавшихся среди болгар и гагаузов, переселенцы подымались целыми селами в защиту своих собратьев по несчастью²⁶.

В свою очередь, молдавские крестьяне оказывали всемерное содействие переселенцам в их борьбе за лучшую жизнь. Так, в частности, документально засвидетельствовано, что местное, коренное население помогало переселенцам при их переходе на казенные земли. Характерно в этом отношении признание И. М. Гартинга о том, что «жителями сего цинута (Бендерского. — К.К. и Е.Р.) дается бежавшим помощь в подводах и посылаются они за таковыми в Хотарничанский цинут по смежности оного с Бендерским»²⁷.

О масштабах массового выхода крестьян с помещичьих на казенные земли говорит хотя бы то, что из одних только вотчин помещика Я. Балша с 1814 по 1816 г. на земли Буджака перешло 1800 крестьянских семейств²⁸.

Несмотря на меры, принимавшиеся властями к пресечению самовольного перехода переселенцев на казенные земли, это движение не только не прекращалось, а наоборот, с каждым годом возрастало. Не будучи в силах совладать с переселенцами, уходившими в буджацкие степи, исправничества шлют многочисленные тревожные донесения областным властям о том, что, как это явствует из рапорта измаильского исправника А. Н. Бахметеву от 10 мая 1817 г., «вовсе прекратить переходов их (переселенцев. — К.К. и Е.Р.) не можно, которые беспрестанно уничтожают все свое обзаведение, переселяются»²⁹.

В ответ на все усиливающийся поток переходящих на казенные земли А. Н. Бахметев предписывает исправничествам прибегать к более решительным мерам, в частности «требовать необходимого тут воинского пособия к приведению ослушников в должное повиновение»³⁰. Исправники не преминули воспользоваться предоставленным им правом. Так, из рапорта кодрского исправника от 5 июня 1817 г. явствует, что для предотвращения перехода на казенные земли над переселенцами селений Томай, Чадыр, Орак и Менжир поставлен специальный караул из казаков 2-го Оренбургского полка³¹.

Бессарабское областное правительство и власти цынутов проводили широкие операции по розыску переселенцев, самовольно ушедших в буджацкие степи, и по насильственному водворению обнаруженных беглецов на их прежнее местожительство в помещичьих селах. С этой целью привлекались даже воинские казачьи команды. Так, например, 13 апреля 1815 г. управляющий Бессарабской областью И. М. Гартинг, предписывая Томаровскому исправничеству розыск и обратный пере-

²⁴ Сборник документов, стр. 33; см. также стр. 51—52.

²⁵ Там же, стр. 396—397.

²⁶ Там же, стр. 98.

²⁷ Там же, стр. 93.

²⁸ Там же, стр. 252.

²⁹ Там же, стр. 388.

³⁰ Там же, стр. 391.

³¹ Там же, стр. 393.

вод беглых переселенцев на помещичьи земли, предоставил ему право истребовать для проведения этой операции воинскую команду 1-го Оренбургского казачьего полка, которую, как гласит об этом документ, надлежит «употреблять по местному усмотрению как при отыскании беглецов, так и при возврате их в прежние жилища»³².

Свои действия по насильственному возвращению переселенцев власти мотивировали административно-фискальными соображениями: предотвращением беспорядков, вызываемых неоседлостью большого числа населения, и необходимостью учета податного сословия. В действительности же местные власти, в своем подавляющем большинстве состоявшие из представителей бессарабских помещиков, проявляли свое исключительное рвение в вопросе перевода переселенцев обратно на частновладельческие земли, исходя именно из крепостнических интересов бессарабских аграриев, испытывавших большой недостаток в рабочей силе для обработки огромных земельных угодий, которыми они владели.

Помимо физических мер воздействия на переселенцев с целью приостановления массового выхода болгарских и гагаузских крестьян с помещичьих на казенные земли, власти попытались применить старый эксплуататорский прием: «разделяй и властвуй!» С этой целью в 1817 г. правительство разрешило переход на казенные земли только тем переселенцам, которые водворились в Бессарабии в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг., заявив, что обещанные М. И. Кутузовым права и привилегии отнюдь не распространяются на переселенцев, обосновавшихся на этой территории ранее указанного времени³³.

Однако переселенцы, игнорируя данную установку правительства, продолжали уходить на казенные земли безотносительно ко времени своего поселения в Бессарабии. Об их решимости во что бы то ни стало избавиться от помещичьей кабалы и поселиться на казенных землях южной Бессарабии красноречиво говорит, в частности, рапорт попечителя бессарабских задунайских переселенцев Д. П. Ватикюти, который 3 мая 1817 г. доводил до сведения А. Н. Бахметева, что переселенцев никак нельзя остановить от ухода с помещичьих земель. И в подтверждение этого попечитель приводит следующие слова переселенцев: «...лучше согласимся все погибнуть, нежели оставаться у помещиков на землях, и готовы все тягости перенести на государственной земле, нежели на помещичьей, где... жить ничем обязаны не были»³⁴.

Летом 1817 г. в южные районы Бессарабии был направлен и. о. бессарабского вице-губернатора М. Е. Крупенский³⁵, наделенный широкими полномочиями для упорядочения вопроса о самовольных переходах крестьян на казенные земли. Упорство задунайских переселенцев и решимость их не возвращаться обратно в помещичьи села вынудили бессарабского сановника склониться перед свершившимся фактом. Вот что сообщал он по этому поводу А. Н. Бахметеву в рапорте от 25 августа 1817 г.: «...хотя я... употреблял все средства к преклонению их (переселенцев. — К.К. и Е.Р.) возвратиться в прежние жилища свои, однако все безуспешно, ибо народ сей ныне считает единственным убежищем для спокойствия своего казенную землю, а сия самая расположенность их поставила меня в невозможности употребить силу власти по уважению того, что средство сие, обращенное на немалое число

грубого народа, могло произвесть последствия, для Правительства невыгодные. И потому, как сии болгары, равномерно и те, кои приобретены в прошедшую с турками войну... оставлены мною на казенных землях»³⁶.

В решительной борьбе против крепостнических посягательств помещиков и произвола местных властей задунайские переселенцы прибегали и к более серьезным мерам. Так, многие из них, видя, что власти не переходят от слов к делу, и потеряв надежду на улучшение своей участи, уходили из Бессарабии в пределы Молдавского княжества и даже обратно за Дунай, во владения Оттоманской Порты.

Выход задунайских переселенцев за границу принял угрожающие для престижа царизма размеры. Вот что писал по этому поводу Л. Л. Беннигсен в своем рапорте от 20 сентября 1815 г. Александру I: «Притеснение, каковое почувствовали болгары, поселившиеся в землях помещичьих, от молдавских владельцев и вообще от управления и обращения с ними чиновников земских, понудило уже некоторых, оставя на сей стороне все имущество, удалиться обратно за Дунай, чему, конечно, последуют и остальные, ежели не ограждены будут видами, удовлетворяющими надежду будущего их благополучия»³⁷. И генерал Беннигсен, руководствуясь интересами царской России, советовал императору принять соответствующие меры по устройству переселенцев, чтобы таким путем пресечь столь пагубное для царизма движение.

Уход переселенцев за пределы России не на шутку встревожил правительственные сферы Петербурга³⁸, о чем весьма убедительно свидетельствует рескрипт Александра I от 1 апреля 1816 г. митрополиту кишиневскому и хотинскому Гавриилу Банулеску Бодони. Поведая ему тревогу свою в связи с тем, «...что беспорядки, особливо с некоторого времени, дошли до высочайшей степени, так что многие невинные семейства смиренных поселян, оставя жилища свои, ищут убежища за границей»³⁹, император просил митрополита воздействовать через священнослужителей на переселенцев, заверить последних в предстоящем устройстве их и тем самым приостановить поток беженцев в пределы Турецкой империи.

Торжественные заверения правительства о предстоящем устройстве переселенцев возымели некоторое действие. Количество беженцев из Бессарабии временно несколько уменьшилось. Более того, узнав о предстоящем улучшении условий пребывания под царским скипетром, некоторые семейства переселенцев из числа тех, которые в свое время бежали из Бессарабии, начинают возвращаться на бессарабские земли⁴⁰.

Поскольку, однако, правительство не очень спешило с претворением в жизнь своих торжественных обещаний, переселенцы не прекращали побегов из Бессарабии. Причины, толкавшие их на этот путь, были хорошо известны областным властям, о чем со всей определенностью говорит следующее официальное заявление А. Н. Бахметева: «...переселенцы болгары, будучи недовольны неудовлетворением со стороны правительства всяких их желаний, а также считая себя обиженными от земских чиновников и квартирующих у них войск, при том же опасаясь предполагаемых ими худых для себя последствий, а особенно боясь

³⁶ Сборник документов, стр. 437.

³⁷ Там же, стр. 102.

³⁸ Там же, стр. 174—175, 204—205.

³⁹ Там же, стр. 140.

⁴⁰ Там же, стр. 264—265, 273.

³² Сборник документов, стр. 91.

³³ Там же, стр. 362—363.

³⁴ Там же, стр. 385.

³⁵ Там же, стр. 402—404.

влияния на них частных владельцев земель, пришли в расположение перейти паки за Дунай и уже начали делать частые побегии»⁴¹.

Полномочный наместник, с целью предотвращения дальнейшего развития этой формы классовой борьбы, предписал попечителю Д. П. Ватикноти всячески успокаивать и заверять переселенцев в заботах о них правительства, а также «всемерно им внушать о преимуществе тех выгод, коими могут они пользоваться в России», что, полагал наместник, конечно, «отнимет у них охоту к побегам в Турцию»⁴².

Одной из предварительных мер, направленных на предотвращение выхода переселенцев за пределы России, явилось вынужденное, как это признает сам А. Н. Бахметев, предоставление тем из них, на которых помещики не могли доказать своих прав, возможности перехода с помещичьих на казенные земли. Обосновывая целесообразность указанного мероприятия, А. Н. Бахметев в одном из предписаний по переселенческому вопросу в июне 1817 г. писал М. Е. Крупенскому следующее: «Справедливость сего распоряжения основывалась, во-первых, на первоначальном обещании правительства, данном при переходе болгар из-за Дуная в здешний край, а во-вторых, на уважении, самими опытами предложенном, чтобы верным исполнением того обещания пресечь намерение к побегу за границу и остановить семейства, явственно к тому приготовленные»⁴³.

Все предпринятое правительством для успокоения переселенцев и ликвидации их борьбы в лучшем случае являлось паллиативом, щедро одобренным ширококвещательными посулами. Вообще в вопросе устройства переселенцев царское правительство явно лавировало. Оно не могло пренебречь интересами бессарабских помещиков, стремившихся закабалить переселенцев и тем самым обеспечить свои обширные поместья рабочей силой. Но одновременно сама действительность настоятельно требовала создания для выходцев из-за Дуная хотя бы элементарных условий. Ведь в противном случае под угрозой срыва оказалось бы осуществление колонизационной политики по освоению южнобессарабских земель, да и престижу царизма на Балканах нанесен был бы серьезный ущерб. Задунайские же переселенцы требовали предоставления обещанных им прав и привилегий, боролись за колониетский статус, единственно способный в сложившихся условиях обеспечить им безбедное существование и оградить от посягательств крепостников и произвола местных властей.

В этой борьбе они не преминули воспользоваться еще одним своеобразным и действенным приемом давления на правительство.

Дело в том, что 2 декабря 1816 г. А. Н. Бахметев предписал Бессарабскому областному правительству привести задунайских переселенцев к присяге на верность российскому престолу⁴⁴. Однако переселенцы решительно отказались от принесения присяги. Как явствует из рапорта Д. П. Ватикноти от 7 марта 1817 г. полномочному наместнику, переселенцы мотивировали свой отказ тем, что обещания о даровании им льгот и привилегий иностранных колонистов не выполнены, вопреки заверениям царского правительства они находятся в ведении земских властей и несут те же повинности, что и коренные жители, проживают рассеянно по различным цынутам, «оставлены большей частью на помещичьих землях, не имея позволения переселяться на земли казенные, состоят под влиянием откупщиков и, словом, ни одно из обеща-

ний, многократно им повторенных, не исполнено, почему и не могут они приступить к совершенно священной для них клятвы, коей в настоящих обстоятельствах не могли бы совершенно исполнить, не подвергнув семейств своих крайнему разорению, что они, независимо от клятвы, сохраняют всегда приверженность к высочайшему престолу и, движимые оной, пришли водвориться здесь из областей Оттоманской Порты, уповая на обещания, сделанные им Российским правительством, исполнения коих осмеливаются и теперь вновь испрашивать»⁴⁵.

Столь твердый и откровенный отказ переселенцев от принесения присяги подействовал на правительственные круги Бессарабии, как гром среди ясного неба. С необычной для него расторопностью А. Н. Бахметев уже 14 марта 1817 г. в пространном предписании на имя Д. П. Ватикноти вменяет ему в обязанность довести до сведения переселенцев «что Правительство здешнее ни в чем не отступит от прежнего его обещания насчет водворения их. Напротиву того, оно полагает непрременной обязанностью доставить им все выгоды, ручающиеся за успех к достижению их благополучия»⁴⁶.

Однако при создавшейся напряженной обстановке одним лишь посулов, на которые царские власти не скупились, было уже недостаточно. Вот почему Бахметев вынужден был предоставить переселенцам и некоторые льготы, как-то: исключение их из общесессарабского откупа в платеже поземельной подати, освобождение от уплаты подати по 1 червонцу с каждого дома и по 7 левов со всякого бурлака*. Наконец, касаясь вопроса о переводе с помещичьих на казенные земли всех переселенцев, наместник заверил их в том, «что обстоятельство сие получит окончательную развязку в скором времени и, полагать должно, в выгодную сторону для означенных болгар»⁴⁷.

Несмотря на все это, отдельные переселенческие села, наученные горьким опытом не выполненных правительством обязательств, продолжали упорствовать в своем отказе принести присягу царю. В связи с этим бурные события разыгрались весной 1817 г. в селах Баймаклия и Еникной. Баймаклийцы в ответ на призывы властей «в азартности отвечали, что присягать не желают... что ни под каким предлогом российскому государю присягать не будут, говоря, что еще о сию пору никакой милости от государя не видели и могут сыскать другого государя»⁴⁸. В Еникное движение против присяги приняло еще более острые формы. Собравшиеся в Еникное переселенцы данного и окружающих сел единодушно заявили, «что никаким образом не принудят их присягать, потому что не пользовались никакой милостью государя, говоря, что ежели имеют право силой привести их к присяге, то пускай приводят, но они своей волей не станут присягать»⁴⁹.

В конце концов правительству удалось преодолеть сопротивление переселенцев, которые, поддавшись еще раз на неоднократно делаемые им обещания в отношении предоставления статуса иностранных колонистов, присягнули на верность царю, прося снова у Бахметева «сожаления к ним, что бы Ваше превосходительство... не лишили и их той же высокой милости и покровительства, коими имели счастье воспользоваться прочие соотечественники»⁵⁰, то есть те переселенцы, которые

⁴⁵ Сборник документов, стр. 357.

⁴⁶ Там же, стр. 360.

* Бобыль.

⁴⁷ Там же, стр. 361.

⁴⁸ Там же, стр. 376.

⁴⁹ Там же, стр. 377.

⁵⁰ Там же, стр. 369.

⁴¹ Сборник документов, стр. 306.

⁴² Там же, стр. 308.

⁴³ Там же, стр. 402.

⁴⁴ Там же, стр. 335.

обосновались на казенных землях и не испытывали уже произвола помещиков и земских исправников.

21 июня 1817 г. А. Н. Бахметев рапортовал Александру I о принесении жителями Бессарабии присяги на верность российскому престолу⁵¹.

Таковы те формы стихийной борьбы⁵², к которым прибегали задунайские переселенцы с целью давления на правительство. Все эти формы мы рассматривали в отдельности с тем, чтобы легче можно было раскрыть их содержание и непосредственные цели. В действительности же они тесно переплетались, и борьба переселенцев в различных своих аспектах выступала как единое, мощное движение, имеющее определенную классовую направленность.

Широта движения, его неослабевающая сила, пагубные последствия неустроенности многих тысяч выходцев из-за Дуная на экономику края⁵³, заинтересованность царского правительства в создании себе социальной опоры в лице зажиточных переселенцев и невыгодный для царизма внешнеполитический резонанс переселенческой политики в Бессарабии — все это и привело в конце концов к тому, что указом от 29 декабря 1819 г.⁵⁴ Александр I даровал болгарским и гагаузским крестьянам Бессарабской области давно обещанный им статус иностранных колонистов.

⁵¹ Сборник документов, стр. 401.

⁵² Из главарей переселенцев документально засвидетельствовано несколько человек. Среди них бывшие пятидесятники Болгарского войска Константин Койчо, Хаджи Пенчо, Василий Рубан, а также переселенцы Танас Кара, Иван Окло, Иван Капар и др. Там же, стр. 103, 104, 376.

⁵³ О том, сколь ценным был вклад задунайских переселенцев в развитие производительных сил Бессарабии, красноречиво свидетельствует А. П. Юшневский. В своем рапорте от 11 апреля 1816 г. на имя Л. Л. Беннигсена он, с большой похвалой отзываясь о задунайских переселенцах, со всей определенностью заявляет, что «под трудолюбивыми руками их степи бессарабские, дотеле дикие, превзошли, наконец, плодородием большую часть земель сего края». (Сборник документов, стр. 164). Уход переселенцев, несомненно, пагубно сказался бы на экономике южнобессарабских земель, которые пришли бы снова в запустение.

⁵⁴ Сборник документов, стр. 542—547.

К. П. КРЫЖАНОВСКАЯ, Е. М. РУССЕВ

ДЕСПРЕ УНЕЛЕ ФОРМЕ АЛЕ ЛУПТЕЙ ДЕ КЛАСЭ А БЕЖЕНАРИЛОР ТРАНСДАНУБИЕНЬ ЫН БАСАРАБИЯ ЫН ПРИМЕЛЕ ДОУЭ ДЕЧЕНИЙ АЛЕ ВЯКУЛУЙ XIX

Резумат

Кэпэтуря беженарилор трансданубиень ын Басарабия авя лок ын кондициле луптей лор ындыржите ымпотрива мошиерилор басарабень, каре урмэряу целул сэ-й шербяскэ ши ын фелул ачеста сэ-шь асигуре ку браце де мункэ ынтинселе моший.

Беженарий трансданубиень луптау ка сэ ле фие акордате дрептуриле ши привилежициле колоништилор стрэинь, фэгэдуите солеми де М. И. Кутузов.

Лупта ачаста ера ку атыт май дырэ, ку кыт гувернул царист, луынд о атитудине екивокалэ ын ачастэ проблемэ кэута сэ ну-й немулшумяскэ нич пе мошиерь нич пе беженарь.

Лупта беженарилор луа фелурите форме. Челе май карактеристиче ерау:

1) Адресаря де черерь ауторитэцилор чивиле ши милитаре але Русней.

2) Рефузул де а мунчи ын фолосул мошиерилор, пе пэмынтул кэора ерау ашезаць беженарий.

3) Тречеря арбитрарэ де пе пэмынтуриле мошиерешть пе домениле статулуй.

4) Плекаря дин Русия а унора дин беженарий трансданубиень ши ревениря ын сателе лор де баштинэ де ла суд де Дунэре.

5) Рефузул де а депуне журэмынтул де крединцэ царулуй атыта тимп, кыт дрептуриле лор лежитиме ну вор фи конфинците прин леже.

Статулул дин 29 дечембрие 1819 деспре конфериря беженарилор дрептурилор де колоништь стрэинь ынтр'о анумитэ мэсурэ ера о урма-ре а луптей лор дырэ дин примеле доуэ дечений але вякулуй XIX.

Е. Е. ЧЕРТАН

ИЗ ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ РУССКО-РУМЫНСКОЙ
КОНСУЛЬСКОЙ КОНВЕНЦИИ 1869 г.

Государственная независимость Румынии от Османской империи была завоевана, в конечном счете, в результате совместных военных действий русских и румынских войск в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Однако еще задолго до освобождения страны от турецкой зависимости Румыния вела дипломатическую борьбу за получение некоторых основных прав суверенного государства, как-то: права на заключение международных соглашений и на официальное представительство в других странах, права чеканки монеты и учреждения национальных орденов и, наконец, устранения действия на румынской территории капитуляций Османской Порты.

Признание отдельных атрибутов суверенности за румынским государством еще не означало предоставления ему полной независимости. Упорное сопротивление Порты освобождению Румынии от турецкой зависимости и, в особенности, поддержка, которую получала в этом вопросе Турция со стороны некоторых крупнейших западноевропейских государств, не позволили Румынии добиться полной независимости дипломатическим путем. Она была завоевана в результате разгрома турецких армий русскими и румынскими войсками на полях сражений в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Вместе с тем, результаты победы на полях сражений ни в коей мере не снижают объективного значения дипломатической борьбы Румынии за предоставление ей отдельных атрибутов суверенного государства. Успехи, достигнутые на этом поприще, постепенно выдвигали Румынию на арену европейской политической жизни, облегчали в известной степени ее положение как зависимого от Порты государства и, наконец, способствовали экономическому и политическому развитию страны.

Дипломатическая деятельность Румынии, направленная на завоевание независимости, встречала, в основном, благоприятное отношение со стороны русского правительства. Вопреки протестам Османской Порты, зачастую молчаливо или явно поддерживаемой Англией, Францией и другими западноевропейскими державами, Россия заключила с Румынией в 1866 г. конвенцию о судоходстве по р. Пруту, торговую конвенцию 1876 г., ряд почтовых и телеграфных соглашений, дала свое согласие принять румынского дипломатического представителя, поддержала борьбу Румынии за право чеканки своей монеты.

Россия также явилась первой страной, которая согласилась заключить с Румынией консульскую конвенцию и ликвидировать тем самым исключительные права своих консулов и подданных на территории Сос-

диненных княжеств. Эта инициатива России создала предпосылки для ограничения прав иностранных консулов всех других держав и прекращения действия на территории Румынии международных соглашений Турции с другими странами, что было шагом вперед на пути к завоеванию независимости страны.

Вопрос о русско-румынских переговорах по поводу заключения консульской конвенции, как и сама конвенция при всей ее значимости, до сих пор оставался вне поля зрения исследователей. Румынские буржуазные историки, стоявшие на националистических позициях, стремились затушевать прогрессивную роль России в завоевании независимости Румынии и замолчать русско-румынские дружеские взаимоотношения, в том числе и переговоры, приведшие к заключению консульской конвенции между двумя странами. Так, например, Н. Йорга перечислил в своих работах все малейшие попытки Румынии вести переговоры с западными странами с целью заключения с ними консульской конвенции¹, несмотря на то, что они в 60-х гг. прошлого столетия заканчивались в основном неудачей, и лишь мимоходом упомянул о русско-румынских переговорах в Петербурге в 1868 г. и в Ливадии в 1869 г., где затрагивались вопросы отмены консульской юрисдикции².

Отрывочные сведения о ходе русско-румынских переговоров и упоминание о заключении консульской конвенции находим лишь в работе И. К. Филитти³ и в книге М. Полихрониаде и А. Телла⁴.

Рассматриваемая конвенция и история ее заключения не исследовалась также до сих пор историками-марксистами Румынской Народной Республики и советскими историками.

В настоящем сообщении делается попытка осветить один из этапов русско-румынских дипломатических отношений — историю переговоров между двумя странами по вопросу о заключении консульской конвенции 1869 г., показать их роль и значение в укреплении суверенитета и международных позиций Соединенных княжеств, в завоевании ими независимости.

Документальную основу данного сообщения составляют неопубликованные архивные источники и материалы, содержащиеся в румынских сборниках документов. Выявленные и впервые использованные нами неопубликованные документы Архива внешней политики России (АВПР) и Центрального Государственного исторического архива г. Москвы (ЦГИАМ) представляют собой в основном переписку русского генерального консула в Соединенных княжествах Г. Г. Оффенберга и других русских дипломатов с Министерством иностранных дел России. При использовании этих документов следует иметь в виду их классовую направленность и субъективные цели внешней политики царизма вообще и в особенности те задачи, которые она ставила перед собой в разрешении Восточного вопроса.

Основной целью издателей используемых нами румынских сборников документов Д. А. Стурдзы, Н. Йорги и М. Митилінеу⁵ являлось при-

¹ N. Iorga, *Istoria Românilor*, vol. X. București, 1939, p. 65, 98, 104; его же, *Politica externă a regelui Carol I*. București, 1923, p. 65.

² N. Iorga, *Histoire des relations russo-roumaines*. Iassy, 1917, p. 328; его же, *Politica*, p. 70; его же, *Istoria Românilor*, v. X. București, 1939, p. 104.

³ I. C. Filitti, *România față de capitulațiile Turciei*, București, 1915, p. 28—31.

⁴ M. Polihroniade și A. Tell, *Domnia lui Carol I*, v. I, 1866—1877. București, 1937, pp. 229—248.

⁵ D. A. Sturza, *Domnia regelui Carol I, Fapte—cuvântări—documente*, v. I, București, 1906. N. Iorga, *Correspondence diplomatique roumaine sous le roi Charles I*, București, 1938. M. Mitilîneu, *Colecție de tratate și convenții ale României cu puterile străine*. București, 1874.

украшивание деятельности румынского князя Карла I и его правительства и преувеличение роли западноевропейских держав в укреплении Румынского государства и завоевании им независимости. Это привело к одностороннему подбору документов и, в частности, к антирусской направленности указанных изданий. Поэтому их использование возможно лишь при строгом критическом подходе.

Факты, приводимые в различных изданиях мемуаров и переписки румынского князя Карла I⁶, а также корреспонденция братьев Братиану с разными политическими деятелями⁷ дали возможность оценить в некоторой степени отношение румынских правящих кругов к заключению консульской конвенции с Россией.

Приводимые в сообщении материалы южнорусской прессы позволяют в известной мере раскрыть отношение различных кругов торговой буржуазии юга России к заключению русско-румынской консульской конвенции.

К сожалению, автор не располагает материалами румынской прессы, которые позволили бы определить более полно отношение различных кругов румынской общественности к данному событию.

* * *

В результате Кучук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. влияние России в Дунайских княжествах значительно возросло. Этому, в частности, способствовало предоставленное России II-й статьей указанного договора право назначать консула в те области Османской империи, «где они признаны будут надобными»⁸. Стремясь укрепить свое политическое влияние в Молдавии и Валахии и расширить экономические связи с ними, Россия в 1780 г. добилась согласия Порты на открытие российского консульства в Дунайских княжествах⁹. В условиях господства турецких угнетателей и открытого произвола их ставленников-фанариотов в Молдавии и Валахии — появление института консульств и установление на основе Кучук-Кайнарджийского мирного договора капитуляций Османской империи и русско-турецкого торгового договора 1783 г., правового статуса русских консулов и граждан в княжествах было явлением прогрессивным. Оно обеспечивало, с одной стороны, безопасность и охрану прав русских купцов и русской торговли, что, в свою очередь, способствовало росту экономических связей между двумя странами и развитию производительных сил в Дунайских княжествах; с другой стороны, русские консулы защищали население княжеств от произвола турецкой администрации¹⁰.

Вместе с тем, в конце XVIII и начале XIX в. иностранные консулы в Дунайских княжествах не имели еще столь широких прав, как впоследствии. В частности, после Ясского мира 1792 г. иностранные подданные зачастую были подсудны еще местным судебным властям; что касается обязательного присутствия консула на суде между иностранными

⁶ *Memoriile regelui Carol I al României (de un martor ocular)*, v. I—II. București, «Universul», (в дальнейшем: *Memoriile*); *Memoriile regelui Carol I al României*, p. I—II. București, 1892; *Aus dem Leben König Karls von Rumänien*, B. I—II. Stuttgart.

⁷ *Din corespondența familiei Ion C. Brătianu*. București, 1936; *Din arhiva lui Dumitru Brătianu*, v. I—II. București, 1933—1934.

⁸ Е. Н. Дружинина, *Кучук-Кайнарджийский мир*. М., 1955.

⁹ В. А. Ульяшицкий, *Русские консульства за границей в XVIII в.*, часть I, М., 1899, стр. 646.

¹⁰ M. Roller, *Istoria Română*, București, 1956, p. 280; N. Iorga, *Histoire des relations russo-roumaines*. Iassy, 1917, p. 192—193.

подданными и подданными княжеств, то оно стало правилом лишь в начале XIX в.¹¹

Однако в дальнейшем положение изменилось. Вслед за Россией назначили своих консулов в княжествах Австрия, Франция, Англия, Пруссия и другие государства. Растущая заинтересованность ряда европейских стран в усилении своих позиций в княжествах побуждала их требовать увеличения прав консулов и иностранных подданных, привела к расширению власти иностранных консулов на территории Дунайских княжеств, к изъятию иностранных подданных из-под юрисдикции местных властей. Консулы сами выполняли административные и полицейские функции в отношении подданных своей страны, получив, в частности, право их преследования, ареста и отправки на родину.

Иностранные консулы могли рассматривать гражданские, уголовные и другие дела подданных своей страны. Иностранные подданные, совершившие преступления на территории княжеств, могли быть судимы только своим консулом. Споры между иностранными подданными и жителями княжеств разбирались местным судом, но в присутствии иностранного консула или его представителя, причем последний подписывал решение совместно с судьями. Решение, принятое судом, исполнялось консулом. Банкротства иностранных подданных определялись также местным судом, но в присутствии представителя соответствующей консульской власти.

Консулы, как и иностранные подданные, были освобождены от уплаты всяческих налогов и выполнения повинностей, пользовались правом экстерриториальности и неприкосновенности личности и имущества.

Такие широкие права иностранных консулов и граждан, приведшие по сути к созданию «государства в государстве», естественно, ущемляли интересы Дунайских княжеств. Объединение Молдавии и Валахии в одно государство, экономическое и политическое укрепление последнего в 60-х гг. XIX в. создало предпосылки для борьбы за его независимость.

В повестку дня политической жизни страны встала задача ликвидации зависимости Румынии от Турции вообще и, в частности, устранения действия на территории княжеств капитуляций Османской Порты, предоставляющих иностранным консулам в Румынии исключительные права. В этих целях некоторые политические деятели страны издали специальные брошюры, доказывающие исторические права Румынии, ее особое правовое положение в системе Османской империи, исключающее действие капитуляций на территории Молдавии и Валахии¹². Румынское правительство предприняло попытки заключить консульские соглашения с западными странами. В марте 1867 г. в Вену был послан Георг Штирбей с заданием заключить с Австрийской империей ряд соглашений, в том числе и соглашение об отмене консульской юрисдикции на территории княжеств¹³. Стремясь привлечь Румынию на свою сторону, австрийское правительство дало положительный ответ на предложение княжеств¹⁴. Вместе с тем, не желая вызвать недовольства Турции заключением политического соглашения с ее вассалом, Австрия не торопилась выполнить данное Румынии обещание. 1867 год подходил

¹¹ I. C. Filitti, ук. соч., стр. 20.

¹² Les Principautés roumaines et l'Empire Ottoman. Paris, 1858; B. Boerescu. Memoire sur la juridiction consulaire dans les Principautés-Unies. Paris, 1869; его же: La Roumanie après le traité de Paris, 1869.

¹³ N. Jorga. Istoria Românilor. v. X, p. 65.

¹⁴ Nota Бейста Г. Штирбею от 17 марта 1867 г. М. Mitileneu, ук. соч., стр. 131—132.

к концу, а австро-румынские переговоры по поводу ограничения консульской юрисдикции австрийских консулов на территории княжеств еще не начинались. 27 ноября румынское правительство посылает Д. Братиану для переговоров с Австрией, а также с Пруссией, Францией, Англией, Бельгией и Италией¹⁵. Но австрийское правительство не согласилось на отмену юрисдикции своих консулов в Румынии.

Неудача попыток румынского правительства заключить торговое и консульское соглашение с Австрийской империей, враждебные действия французского правительства, предложившего в августе 1867 г. Францу-Иосифу занять Дунайские княжества, отрицательное отношение Англии к попыткам Румынии освободиться от турецкой зависимости, с одной стороны, и поддержка русско-румынского сближения правящими кругами Германии¹⁶, с другой стороны, привели в конце 1867 г. к частичному изменению политической ориентации румынского правительства. Если ранее оно возлагало все надежды на западноевропейские державы, то теперь оно обратило свои взоры на восток и стало искать сближения с Россией.

Отношения с Румынией не были, конечно, одним из главных вопросов русской внешней политики. Но поскольку судьба княжеств была тесно связана с Восточным вопросом и с отменой условий Парижского мирного договора 1856 г., то Россия не могла быть безразличной по отношению к политике граничащей с ней Румынии.

В политике царской России по отношению к Румынии наблюдались две тенденции. Будучи заинтересованной в развертывании национально-освободительной борьбы балканских и румынского народов в той мере, в какой эта борьба способствовала ослаблению Османской империи, Россия поддерживала, насколько это позволяли международные условия и подписанные ею коллективные соглашения, законное стремление Румынии к государственной независимости. К тому же, опасаясь усиления французского, австрийского, а отчасти и прусского влияния в Румынии, русское правительство стремилось усилить свои позиции в княжествах путем улучшения отношений с румынским правительством и поддержки его дипломатической борьбы за независимость.

С другой стороны, царизм опасался, что его намерения пересмотреть условия Парижского мира и, в частности, стремление восстановить свою границу по Дунаю натолкнутся на сопротивление Румынии. Еще в большей мере царизм опасался развертывания сильного, как ему казалось, революционного движения в Соединенных княжествах.

Однако, как правило, первая тенденция брала верх, и Россия неуклонно стремилась к улучшению взаимоотношений с Румынией, которой отводилась определенная политическая роль в политике Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке. С этим явлением встречаемся мы в конце 1867 г. Таким образом, в рассматриваемый период создались благоприятные условия для сближения между обоими государствами.

В конце 1867 г. румынские официальные круги стали проявлять доброжелательное отношение при разрешении спорных вопросов, касающихся русских граждан. Руководители генеральным консулом¹⁷. В официальном правительственном вестнике «Мониторул официал» было

¹⁵ Din arhiva lui Dumitru Bratianu, v. II. București, 1933, p. 268.

¹⁶ Memorille, vol. IV, p. 20.

¹⁷ Донесение Г. Оффенберга Азиатскому департаменту МИД. АВПР, ф. Гл. архив, V A2, 1867 г., л. 189, л. 79.

опубликовано опровержение нашумевшего в свое время сообщения газеты «Ромынул» о посылке русского судна с оружием в Измаильский порт¹⁸. Значительно изменился и тон влиятельных газет. В них стали появляться статьи, в которых выражались симпатии к России и к христианам Востока¹⁹.

Вместе с тем румынское правительство стремилось использовать улучшение отношений с Россией, чтобы разрешить важные для него вопросы, в частности вопрос отмены юрисдикции иностранных консулов на территории княжеств.

С целью укрепить свое влияние в Румынии, русское правительство пошло навстречу просьбам княжеского правительства. Опасаясь, что согласие Вены на проведение австро-румынских переговоров и заключение различных конвенций усилит позицию Австрии в княжествах, царское правительство согласилось на принятие румынской делегации для переговоров по ряду вопросов, в том числе по поводу отмены консульской юрисдикции²⁰.

26 января 1868 г.²¹ румынская делегация в составе опытного дипломата, бывшего министра юстиции Жана Кантакузена и воспитанника Киевской семинарии, измаильского епископа Мелхиседека отправилась через Вену в Петербург²².

Делегация пробыла в России около двух месяцев. Она была принята царем и вела переговоры с А. М. Горчаковым²³. В результате этих переговоров русское правительство согласилось удовлетворить просьбы румынского правительства. Оно заявило, что не будет стремиться к сохранению режима прежних капитуляций²⁴ и готово вести переговоры по этому вопросу в Бухаресте²⁵, причем согласилось назвать соглашение между двумя странами об ограничении юрисдикции на территории княжеств термином «конвенция»²⁶, что придавало ему политический характер.

Русское правительство пошло на уступки Румынии и по другим вопросам. Оно согласилось с пожеланиями румынского правительства об оплате патентов²⁷ русскими купцами, ведущими оптовую торговлю с княжествами²⁸, изъявило желание досрочно, в течение ближайших 4 лет уплатить княжествам долг, сделанный русской армией во время Крымской войны, для чего удваивалась сумма предусмотренных ежегодных взносов²⁹, а также приняло предложение о заключении почтовой конвенции³⁰.

¹⁸ Там же, лл. 45—47.

¹⁹ Там же, л. 79.

²⁰ Телеграмма МИДа Оффенбергу 15. I 1868 г., АВПР, ф. Канц., д. 14, л. 219.

²¹ Н. Йорга ошибочно относил поездку румынской делегации в Россию к марту 1868 г. См. *Istoria Românilor*, v. X, p. 50.

²² Телеграмма Г. Оффенберга МИДУ от 26. I 1868 г., АВПР, ф. Канц., 1868, д. 14, л. 200.

²³ D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 439.

²⁴ Капитуляции — неравноправные договоры Турции с западноевропейскими государствами, устанавливающие для граждан последних особый режим привилегий.

²⁵ N. Iorga, *Correspondence*, стр. 29.

²⁶ ЦГИАМ, ф. 730, оп. 1, ед. хр. 639, лл. 3—4.

²⁷ Патент — свидетельство, дающее право иностранным купцам вести торговлю в княжествах.

²⁸ N. Iorga, *Correspondence*, стр. 29.

²⁹ Там же. Письмо А. М. Горчакова румынскому князю Карлу Гогенцоллерну; D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 439.

³⁰ Донесение Ж. Кантакузена румынскому правительству. N. Iorga, *Correspondence*, стр. 29.

Русско-румынские переговоры в Петербурге в 1868 г. имели большое значение для сближения России с Румынией. И хотя прусский посол в Петербурге Рейс подчеркивал, что в результате переговоров не было достигнуто конкретных результатов, за исключением общего улучшения отношений между Россией и Румынией³¹, необходимо отметить, что переговоры создали предпосылки для разрешения ряда вопросов, в частности, вопроса о консульской юрисдикции.

Русско-румынские переговоры в Петербурге были враждебно встречены Турцией, Францией и Австрией. Французский генеральный консул в княжествах Авриль не преминул высказать князю Карлу свое недовольство по поводу русско-румынского сближения. Более того, он старался убедить Карла в том, что Россия не заинтересована в укреплении румынского национального государства³².

Во Франции и Англии стали распространяться провокационные, ложные слухи о намерении румынского правительства в ближайшее время провозгласить независимость государства, а князя — королем³³.

Для характеристики стремления французских правящих кругов помешать русско-румынскому сближению весьма интересна беседа французского посла в Австрии Грамона с бывшим румынским князем Александром И. Кузой, состоявшаяся 24 апреля (6 мая) 1868 года. Грамон высказывал недовольство тем, что румынский князь Карл якобы забыл свои обещания по отношению к Франции и что румынские министры находятся в постоянной связи с Россией³⁴.

Вместе с тем, французское правительство, так же, как прежде итальянское правительство, стремясь сохранить привилегии своих подданных в княжествах, поддержало требование Османской Порты, запрещающее Румынии заключать соглашения с другими государствами³⁵, и в июне 1868 г. отказалось вести с представителем румынского правительства Димитрием Братиану переговоры об ограничении консульской юрисдикции на территории Соединенных княжеств³⁶.

В австрийской официальной газете «Прессе» появилась статья, в которой указывалось, что в интересах обеих стран, Австрии и Румынии, необходимо поддерживать между ними дружеские взаимоотношения и что следует избегать всего того, что отдаляло бы Румынию от Австрии и сближало бы ее с Россией³⁷. Вместе с тем, австрийское правительство в марте 1868 г. вновь отказалось заключить соглашение об отмене юрисдикции австрийских консулов на территории княжеств³⁸. В ряде стран Западной Европы распространились слухи о необходимости оккупации княжеств турками и австрийцами³⁹. Даже Бисмарк, который прежде был сторонником русско-румынского сближения, после успешных переговоров между этими странами стал опасаться слишком тесного их сотрудничества и укрепления влияния России в княжествах. В беседе

³¹ Письмо Рейса Карлу Гогенцоллерну от 17 марта 1868 г. D. A. Sturdza, ук. соч. стр. 440.

³² Письмо Карла Гогенцоллерна Карлу Антону Гогенцоллерну. D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 437.

³³ Там же, стр. 440.

³⁴ Беседа Грамона с А. И. Кузой. D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 338.

³⁵ A. Cretzianu, *Dumitru Bratianu. Din arhiva lui Dumitru Bratianu*, v. I, București, 1933, p. 88.

³⁶ N. Iorga, *Politica*, p. 79.

³⁷ D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 443.

³⁸ *Memoriile*, v. IV. București, p. 29.

³⁹ Донесение Оффенберга А. М. Горчакову. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, лл. 38—40.

с отцом румынского князя Карла — Карлом-Антоном Гогенцоллерном, оказывающим большое влияние на внешнюю политику Румынии, Бисмарк заметил, что видимое сближение Румынии с Россией нежелательно, что необходимо сохранить одинаково хорошие отношения со всеми странами и лишь в последний момент, когда дело созреет, присоединиться к той именно державе, которая должна победить⁴⁰.

Таким образом, западноевропейские страны стремились оторвать Румынию от России, не допустить их сближения.

В данной обстановке, характеризующейся борьбой европейских держав за укрепление своего влияния в Румынии и их враждебным отношением к Российской империи, царское правительство стремилось закрепить свои позиции в княжествах.

Поэтому в направленной 27 февраля Оффенбергу инструкции Азиатского департамента указывалось, что он может начать переговоры с целью заключения с Румынией судебной конвенции, посредством которой должна быть установлена степень подчинения русских подданных местным судам и их решениям по гражданским и уголовным делам, а также определена степень участия русских консулов в румынском судопроизводстве. Характерно, что инструкция предоставляла льготы лишь тем русским подданным, которые имели заграничные паспорта, выданные русским правительством, и отменяла право консулов выдавать билеты на покровительство⁴¹. Это решение имело немаловажное значение для княжеств, так как значительно сокращало количество привилегированных иностранных подданных.

Известие о согласии русского правительства начать переговоры с румынским правительством с целью заключения консульской конвенции было встречено в княжествах с большим удовлетворением. Общественные круги страны, сравнивая позицию Англии и Франции с позицией России по вопросу о ликвидации особой консульской юрисдикции, отдавали себе отчет в том, что последняя в гораздо большей степени, чем первая, отвечает интересам Румынии⁴².

На основе полученной инструкции Оффенберг составил проект конвенции, который 15 апреля 1868 г. был одобрен Министерством иностранных дел⁴³.

25 апреля 1868 г. представитель Румынии Стееге и Г. Оффенберг начали в Бухаресте переговоры по выработке консульской конвенции⁴⁴. В ходе переговоров румынская сторона выдвигала много требований, больше касающихся, впрочем, формы конвенции, чем ее содержания. Румынские делегаты, желая предупредить возражения некоторых ориентированных на западноевропейские страны помещиков и капиталистов, противников заключения соглашения, стремились насколько возможно скрыть в тексте конвенции те привилегии, которые получали русские подданные и особо подчеркнуть выгоды, полученные румынскими подданными⁴⁵.

⁴⁰ Карл-Антон Гогенцоллерн к Карлу Гогенцоллерну. *D. A. Sturdza*, ук. соч., стр. 442.

⁴¹ Инструкция МИДа Оффенбергу. АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1866 г., д. 4340, лл. 26—28.

⁴² Оффенберг — Горчакову. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, л. 49.

⁴³ Оффенберг — Вестману. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, лл. 98—99.

⁴⁴ *D. A. Sturdza*, ук. соч., стр. 447.

⁴⁵ Донесение Оффенберга Вестману. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, лл. 104—105.

В частности, они возражали против предусмотренного в проекте Оффенберга права русских подданных выбирать и быть избранными в румынские торговые палаты и торговые трибуналы, а также против предоставления русским подданным права селиться в румынских селах и участвовать в выборах сельской администрации и в обсуждении экономических и налоговых вопросов, касающихся этих сел⁴⁶.

Вследствие этого переговоры затягивались. И только благодаря твердой позиции и настойчивости Оффенберга Братияну созвал совет министров, который после долгих дебатов утвердил проект нового соглашения о консульской юрисдикции, предусматривавший изменение некоторых статей Органического регламента и румынских процессуальных кодексов⁴⁷. Помимо ликвидации юрисдикции русских консулов в княжествах, рассматриваемый проект консульской конвенции предусматривал назначение румынских консулов в Россию, определял права русских консулов и подданных в Румынии и румынских консулов и подданных в России. Поэтому данный проект выходил за рамки простого соглашения о консульской юрисдикции и фактически был проектом консульской конвенции.

Указанный проект был выгоден княжествам. Во-первых, в его основу был положен принцип взаимности обеих договаривающихся сторон в области юридической⁴⁸. В условиях того времени, когда княжества считались вассалом Турецкой империи и были вообще лишены права заключения каких-либо международных соглашений, подписание соглашения, в основе которого лежал принцип равноправия и взаимности, было большим достижением румынского государства, способствовало укреплению его международного авторитета.

В проекте консульской конвенции предусматривалось право княжеств иметь своих официальных консулов, уполномоченных представлять и защищать интересы своих сограждан в России. Стремясь оправдать включение указанной статьи в проект договора, Оффенберг сообщал Министерству иностранных дел, что во Франции и Турции княжества фактически имели подобных агентов⁴⁹. Необходимо, однако, отметить, что в то время как во Франции и Турции румынские представители выполняли определенные функции *de facto*, без того, чтобы их права были закреплены в каком-нибудь международном соглашении, проект русско-румынской консульской конвенции предусматривал признание румынских представителей *de jure*, что было смелым шагом, идущим в разрез с политикой всех остальных держав, не решающихся действовать вопреки Османской Порте.

Проект соглашения признавал также за румынскими консульскими агентами право дипломатического иммунитета⁵⁰, то есть право, которым обычно пользовались не консулы, а дипломатические представители, выполняющие политические функции в другом государстве. Этот факт имел немаловажное значение, поскольку признание румынских дипломатических представителей означало по сути признание самостоятельности, независимости Румынского государства.

Указанный проект регулировал также юридическое положение ру-

⁴⁶ Деша Оффенберга Вестману. АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1866 г., д. 4340, лл. 112—113.

⁴⁷ Донесения Оффенберга Горчакову и Вестману. Там же, лл. 50—51, 104.

⁴⁸ Донесение Оффенберга Вестману. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, л. 105.

⁴⁹ Там же, л. 106.

⁵⁰ Там же.

мынских подданных в России⁵¹. Правда, при этом Г. Оффенберг стремился избежать точного определения прав румынских подданных в России, ссылаясь на внутреннее законодательство империи насчет иностранных подданных.

Проект конвенции предусматривал частичную отмену юрисдикции русских консулов над своими согражданами. Уголовные преступления, совершенные русскими гражданами на румынской территории, должны были входить в компетенцию местных властей и судов. Русские консулы имели лишь право посещения арестованных сограждан и обоснованного протеста перед юридическими учреждениями Румынии; последние, получив указанный протест, должны были вторично рассматривать дело. Конфликты, возникавшие при ликвидации наследства, регулировались русскими консулами, но при этом они должны были руководствоваться соответствующим румынским кодексом.

Вместе с тем, проект конвенции предусматривал сохранение определенных привилегий по второстепенным вопросам за русскими подданными. Последние не были обязаны записываться в румынские журналы гражданского состояния, вопросы брака и развода решались только церковными властями, без вмешательства румынской администрации; признавалась компетенция русских консулов во всех личных статусах и их право протеста при решении вопроса о недвижимом имуществе, ценных бумагах и т. д. Консулы могли также принимать участие в установлении банкротства, когда это касалось отсутствующих, малолетних и не правоспособных русских граждан. Русские купцы, после уплаты патентной таксы, получали право избирать и быть избранными в торговые палаты и купеческие суды.

Таким образом, как сами переговоры, так и, главным образом, указанный проект консульской конвенции, построенный на основе принципа взаимности, предусматривавший право Румынии иметь официальных представителей в России и значительно ограничивавший консульскую юрисдикцию русских агентов в Соединенных княжествах, свидетельствовали о благожелательном отношении русских государственных деятелей к Румынии. Это создавало предпосылки для отмены исключительных прав других иностранных консулов на территории Румынии, укрепляло ее международный авторитет и тем самым способствовало борьбе за независимость.

Однако рассмотренный нами проект не получил одобрения царского правительства из-за неблагоприятного международного положения и враждебного отношения великих держав к русско-румынскому сближению и, в частности, к заключению консульской конвенции.

1/13 октября 1868 г. русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, игравший немаловажную роль в направлении политики царизма в Восточном вопросе, доносил канцлеру А. М. Горчакову о необходимости изменения положений проекта в том, что касалось статуса румынских представителей в России. Отмечая, что сам факт переговоров с целью заключения консульской конвенции вызвал недовольство и протест Порты и был воспринят отрицательно западными державами, Н. П. Игнатьев указывал на серьезные возражения, которые выдвинули великие державы и Турция по поводу статуса румынских консулов в России и их уравнивания в правах с русскими агентами в Румынии. Не отвергая полностью возможности консульского представительства Румынии в России, Н. П. Игнатьев предлагал уточнить формулировку

соответствующей статьи проекта, а также определить заранее место пребывания румынских консулов в России⁵².

А. М. Горчаков согласился с этим, и 7 октября 1868 г. Г. Оффенбергу была послана зашифрованная телеграмма, в которой сообщалось, что проект был рассмотрен детально и нуждается в существенных изменениях⁵³.

22 октября 1868 г. Министерство иностранных дел направило Г. Оффенбергу новые инструкции по вопросу о консульской конвенции. В них отмечалось, что ввиду существующих международных соглашений, признающих зависимость Румынии от Турции, совершенно недопустимо применение принципа взаимности и равноправия России и Румынии, а также официальное признание румынских консулов на территории России. Тем более не может быть и речи об установлении того привилегированного положения румынских консулов, которое предусматривалось проектом консульской конвенции. Это вызвало бы не только протест Турции, но и возражения других европейских держав. В соглашении, по мнению Н. П. Игнатьева, не должно быть и речи о румынских консулах, поскольку их официальное признание означало бы признание полной независимости Румынии, что также противоречило бы международным соглашениям, подписанным Россией. Вместе с тем в инструкции отмечалось, что Россия допустит на основе конфиденциального соглашения пребывание румынских агентов, однако без того, чтобы это представительство носило официальный характер, то есть на тех же началах, как это имело место в Англии и Франции⁵⁴.

Сохраняя за румынскими судебными органами право преследования и наказания русских граждан правонарушителей, инструкция предусматривала предоставление русским консульским властям права налагать «вето» на исполнение приговоров о смертной казни, позорном наказании и тюремном заключении русских граждан на территории Румынии сроком более чем на 2 года. Русским консулам предоставлялась также возможность посещать арестованных сограждан, свидание с которыми могло происходить без обязательного присутствия представителей румынских судебных властей⁵⁵. В инструкции отмечалось, что следует согласиться с выполнением финансовых повинностей русскими подданными лишь в том случае, если все иностранные подданные выполняют аналогичные повинности⁵⁶.

Ряд статей, по мнению русского Министерства иностранных дел, были излишними. Так, например, оно считало ненужным создание специальных комиссий для взаимной передачи сведений судебными инстанциями обеих стран, так как на практике они могли обмениваться этими сведениями через консулов⁵⁷. Министерство не видело надобности записывать в конвенции, что приговоры, вынесенные русскими консулами, будут иметь ту же силу, как если бы они были вынесены в России, так как это само собой разумелось⁵⁸. Министерство противилось также тому, чтобы в конвенции предусматривалось право русских купцов

⁵² Делеша Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову. АВПР, ф. Гл. Архив, V А2, д. 190, л. 127.

⁵³ Телеграмма Оффенберга. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, л. 253.

⁵⁴ Делеша Оффенбергу. АВПР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, лл. 260—262.

⁵⁵ Там же, л. 263.

⁵⁶ Там же, л. 265.

⁵⁷ Там же, л. 264.

⁵⁸ Там же.

избирать и быть избранными в торговые советы и на коммунальные административные должности, поскольку это не соответствовало законодательству империи и создавало прецедент для распространения этой льготы на всех иностранноподданных купцов. Это способствовало бы усилению австрийского влияния ввиду многочисленности купцов австрийских подданных⁵⁹. Наконец, по мнению министерства, не было никакой надобности в ратификации конвенции⁶⁰.

Министерство иностранных дел Российской империи было также против включения ряда статей, предусматривавших регулирование положения русских судов в румынских портах и взаимную выдачу преступников. Россия систематически отклоняла предложения Порты по этому вопросу и не хотела создавать прецедента, который последняя могла бы использовать в своих интересах. Поэтому русское правительство предлагало урегулировать эти вопросы отдельным соглашением с румынским правительством⁶¹.

Таким образом, русское правительство, соглашаясь заключить консульскую конвенцию, было намерено сделать следующие уступки Румынии: 1) отказаться от права экстерриториальности русских подданных, за исключением права «вето» по некоторым приговорам, выносимым румынскими властями по делу русских подданных; 2) отказаться от права юрисдикции по вопросам недвижимого имущества русских подданных, банкротства, торговых и промышленных споров; 3) отказаться от фискального иммунитета русских граждан при условии аналогичных прав других иностранцев; 4) отказаться от права официального присутствия консульских чиновников на заседаниях румынских судов⁶².

Вместе с тем, русский канцлер рекомендовал Оффенбергу с необходимым тактом и умением предложить румынскому правительству изменение консульской конвенции и объяснить, что не плохое расположение, а международная обстановка заставляет русское правительство вносить изменения в текст конвенции⁶³.

Наряду с этим русское правительство, исходя из существующего международного положения Румынии, соглашалось признать за румынскими подданными право наибольшего благоприятствования, однако не было склонно ставить румынских подданных в какое-либо привилегированное по сравнению с другими иностранными подданными положение. Наконец, царское правительство отмечало невозможность официального признания дипломатических представителей Румынии. Министерство иностранных дел предложило Оффенбергу продолжить на основе данных инструкций переговоры с румынским правительством⁶⁴.

В результате дополнительных переговоров румынское правительство согласилось на некоторые изменения и, главное, на исключение из текста конвенции статьи о назначении официальных румынских консулов в России⁶⁵. Н. П. Игнатьев предлагал заменить данную часть

⁵⁹ Делеша Оффенбергу. АВГР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, л. 265.

⁶⁰ Там же, л. 266.

⁶¹ Там же.

⁶² Делеша Оффенбергу. АВГР, ф. Канц., 1868 г., д. 14, лл. 267—268.

⁶³ Делеша А. М. Горчакову Г. Оффенбергу. АВГР, ф. Консульство в Бухаресте, оп. 540/1, 1868 г., д. 1152, лл. 40—41.

⁶⁴ Там же, л. 269.

⁶⁵ Делеша Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову. АВГР, ф. Гл. архив, V A2, д. 190, лл. 145—146.

конвенции специальной декларацией или обменом нотами между русским и румынским правительствами. Вместе с тем он считал крайне необходимым заключить конвенцию, поскольку между юридическим и фактическим положением Румынии имелось большое несоответствие и румынское правительство, пользуясь разногласиями между державами, все более и более сокращало прерогативы иностранных подданных. С заключением же конвенции был бы твердо установлен легальный статус прав русских граждан в княжествах⁶⁶.

В конце 1868 и начале 1869 г. под давлением Австрии, Франции и Турции⁶⁷ и в результате нажима некоторой части румынских правящих кругов, враждебно относящихся к заключению консульской конвенции с Россией⁶⁸ румынское правительство сделало новую попытку сблизиться с западноевропейскими странами и договориться с ними об отмене консульской юрисдикции в княжествах. Во второй половине 1868 г. оно ведет переговоры по этому вопросу с английским и французским правительствами⁶⁹, а в январе 1869 г. — с австрийским правительством⁷⁰. Но указанные западные страны вновь уклонились от заключения консульского соглашения с Румынией⁷¹.

Даже прусское правительство, которое в рассматриваемый период поддерживало Румынию по многим вопросам, на этот раз не было склонно удовлетворить ее просьбу ограничить консульскую юрисдикцию в княжествах⁷². Более того, прусский генеральный консул в Румынии Кейсерлинг грубо вмешался в возникший в 1869 г. спор между австрийскими подданными и румынским правительством, отстаивая действительность турецких капитуляций на территории Соединенных княжеств⁷³. Такая позиция прусского правительства объяснялась заинтересованностью немецких купцов в сохранении тех привилегий, которыми они пользовались в результате действия турецких капитуляций⁷⁴.

Особо упорное сопротивление ограничению консульской юрисдикции в княжествах и увеличению прав и самостоятельности румынских судебных органов оказывала Оттоманская Порта. В январе 1869 г. министр иностранных дел Соединенных княжеств предложил румынскому дипломатическому агенту в Константинополе Д. Стурдзе добиться отмены дискриминационной для страны консульской юрисдикции. Характерно, что румынское правительство стремилось воздействовать на Турцию угрозой русско-румынского сближения в случае, если Порта и впредь будет вести политику, мешающую развитию княжеств⁷⁵. Несмотря на это, Турция продолжала отрицать право Румынии на заключение политических соглашений с другими державами, в том числе и соглашений об отмене консульской юрисдикции⁷⁶. Она стремилась уничтожить юрисдикцию румынского представителя в Константинополе Д. Стурдзы над подданными княжеств⁷⁷ и принимала даже жалобы ру-

⁶⁶ Делеша Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову. АВГР, ф. Гл. архив, V A2, д. 190, лл. 145—146.

⁶⁷ D. A. Sturdza, ук. соч., стр. 498; N. Iorga, Correspondence, pp. 37—38.

⁶⁸ I. C. Filitti, ук. соч., стр. 28—29; Din arhiva lui Dumitru Bratianu, vol. II. București, 1934, p. 272; Memoriile regelui Carol I al României, v. VIII. București, 1892, p. 181.

⁶⁹ Din arhiva lui Dumitru Bratianu, vol. II. București, 1934, pp. 274, 277, 280—281.

⁷⁰ Memoriile, v. V, pp. 17, 25.

⁷¹ Там же, стр. 34, 49.

⁷² N. Iorga, Istoria Românilor, v. X. București, 1938, p. 104, Memoriile, v. V, p. 34—35.

⁷³ Memoriile, v. V, p. 33.

⁷⁴ Там же, стр. 34—35.

⁷⁵ N. Iorga, Correspondence, p. 35.

⁷⁶ Там же, стр. 44.

⁷⁷ N. Iorga, Politica, p. 79.

мынских крестьян на судебные решения румынских трибуналов⁷⁸, нарушая тем самым самостоятельность румынских судебных органов, а следовательно, и суверенность румынского государства. Турецкие государственные деятели и впоследствии высказывали свое недовольство по поводу заключения русско-румынской консульской конвенции⁷⁹.

Оказывая поддержку Порте, западные державы не желали также предоставлять Румынии право иметь официальных дипломатических представителей в других странах. Когда русское правительство через своих послов в Берлине, Париже и Лондоне попыталось узнать мнение правительств этих стран по поводу предполагавшегося назначения дипломатического агента Соединенных княжеств в Россию⁸⁰, указанные правительства заявили, что румынское дипломатическое представительство может иметь только неофициальный характер⁸¹.

Затяжка с выработкой соглашения с Россией, отказ других держав начать переговоры о заключении консульской конвенции вызвали беспокойство румынского правительства. Поэтому оно поспешило укрепить свои связи с Россией. С этой целью в июле 1869 г. оно направило в Россию своего специального дипломатического агента Стееге. Последний встретил дружественный прием в Петербурге⁸². Ему были оказаны почести, с которыми обычно встречают послов⁸³. Это явилось еще одним доказательством благожелательного отношения России к Румынии. Не имея возможности принять официального дипломатического представителя княжеств, русское правительство неофициально оказало ему такой же прием, как и другим послам.

Во время пребывания в Петербурге Стееге вел переговоры относительно консульской конвенции с директором Азиатского департамента Стремоуховым⁸⁴ и с представителями Министерств финансов и юстиции⁸⁵. Русское правительство, в отличие от правительства ряда западноевропейских стран, отказывавшихся ограничить юрисдикцию своих консулов на территории княжеств, предложило румынскому правительству выгодный для него проект консульской конвенции⁸⁶. Однако указанный проект не встретил одобрения некоторой части румынских правящих кругов, которые по-прежнему вели борьбу против заключения консульской конвенции с Россией. По-видимому, это заставило румынского премьер-министра в июле 1869 г. отказаться от подписания согласованного Стееге в Петербурге соглашения⁸⁷ и добиваться более выгодного варианта конвенции.

Летом и осенью 1869 г. румынское правительство предлагало исключить из проекта конвенции статьи, предусматривающие право русских подданных быть членами торговых трибуналов и участвовать в

обсуждении экономических и налоговых вопросов румынских сел⁸⁸, лишить русских консулов права выдавать патенты румынским подданным⁸⁹, пересмотреть сроки действия конвенции⁹⁰ и т. д.

Опасаясь новых протестов со стороны Порты и западных держав, Министерство иностранных дел Российской империи торопилось заключить консульское соглашение с княжествами и поэтому согласилось выполнить пожелания румынского правительства. Действительно осенью турецкое правительство настоятельно требовало представить ему на рассмотрение текст консульской конвенции. Английское правительство также было недовольно русско-румынскими переговорами по поводу консульской конвенции. Министр иностранных дел Англии лорд Кларендон в неофициальной беседе с А. М. Горчаковым проявил особый интерес к этому вопросу и высказал опасение, что это приведет к отмене капитуляций на территории княжеств. А. М. Горчаков был вынужден долгое время оправдываться, указывая, что Турции также было предложено вести переговоры с Румынией по вопросу о консульской юрисдикции и что не только Россия, но и западные страны заключили уже ряд соглашений с княжествами. Кларендон несколько успокоился, лишь когда русский канцлер обещал, что конвенция будет подписана от имени России не Горчаковым, а лишь соответствующим министром и что английское правительство будет ознакомлено с текстом соглашения⁹¹.

В августе 1869 г. в Россию прибыла румынская правительственная делегация во главе с князем Карлом. Она побывала в Одессе, Севастополе, Ливадии, встречалась с царем и с видными политическими деятелями, в том числе русским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым⁹².

Приезд румынской делегации встретил доброжелательное отношение со стороны русской прессы. Южнорусские газеты вообще уделяли определенное внимание Румынии и с сочувствием освещали ее борьбу за независимость⁹³.

Так, например, одесская буржуазно-либеральная газета «Новороссийский телеграф», освещая пребывание делегации в России, предлагала улучшить отношения между двумя странами и, в частности, ликвидировать особую юрисдикцию русских консулов в Румынии, что позволило бы расширить русско-румынские экономические связи⁹⁴. Вместе с тем газета регулярно освещала отношение западноевропейских стран к отмене действия капитуляций в Дунайских княжествах⁹⁵, что также свидетельствовало об интересе русской буржуазии к данному вопросу. Нет сомнения, что царское правительство учитывало благо-

⁷⁸ *N. Iorga, Correspondence*, p. 79.
⁷⁹ *Memoriile*, v. V, p. 78.
⁸⁰ Делеша МИДа Оффенбергу. АВПР, ф. Канц., 1869 г., д. 14, л. 84.
⁸¹ Там же, л. 89.
⁸² Донесение Стееге Министерству иностранных дел Румынии. *N. Iorga, Correspondence*, p. 44.
⁸³ *Regele Carol I*, v. I, p. 167.
⁸⁴ Горчаков — Убри. ЦГАДА, разряд 30, ед. хр. 9, ч. 43, л. 37.
⁸⁵ Стремоухов — Оффенбергу. АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, оп. 540/1, 1868 г., д. 1152, лл. 67—68.
⁸⁶ *Memoriile*, v. V, p. 34.
⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Министр иностранных дел княжеств Д. Гика Г. Оффенбергу. АВПР, ф. Консульство в Бухаресте, оп. 540/1, 1868 г., д. 1152, л. 73; ф. Турецкий стол (старый), 1869 г., д. 4341, лл. 169—170.

⁸⁹ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1869 г., д. 4341, лл. 170—172.

⁹⁰ Там же, л. 172.

⁹¹ Письмо А. М. Горчакова царю; ЦГАДА, разряд 30, ед. хр. 9, ч. 43, лл. 121—122.

⁹² *Memoriile*, v. V, p. 35.

⁹³ «Новороссийские ведомости» № 18 от 23 января 1870 г., № 77 от 16 апреля 1871 г., «Новороссийский телеграф», № 4 от 8 января 1869 г., № 5 от 10 января 1869 г., № 50 от 1 апреля 1869 г., № 51 от 2 апреля 1869 г., № 196 от 1 октября 1869 г.

⁹⁴ «Новороссийский телеграф», № 155 от 10 августа 1869 г.

⁹⁵ Там же, № 200 от 7 октября 1869 г. и др. «Новороссийские ведомости» № 18 от 23 января 1870 г. и др.

приятное отношение южнорусской буржуазии к ограничению юрисдикции русских консулов.

Переговоры румынской делегации в России почти не освещены в печатных работах. Нам также не удалось найти в архивах материалы, освещающие данный вопрос. Однако, по-видимому, указанные переговоры, так же, как и отказ западных держав ограничить юрисдикцию иностранных консулов на территории Молдавии и Валахии⁹⁶, ускорили заключение русско-румынской консульской конвенции. Это предположение основано на том, что уже в сентябре министр иностранных дел Румынии разрешил дипломатическому агенту Соединенных княжеств в Константинополе Д. Стурдзе конфиденциально сообщить Порте текст соглашения⁹⁷, а несколько позднее, 22 ноября 1869 г., конвенция была парафирована⁹⁸.

Таким образом, переговоры о заключении русско-румынской консульской конвенции сыграли определенную роль в дипломатической борьбе Румынии за свою независимость. Сам факт русско-румынских переговоров, которые велись вопреки протестам Османской Порты и встречали недоброжелательное отношение некоторых западноевропейских держав, а также содержание и даже форма проекта конвенции говорили о том, что, несмотря на свои субъективные намерения, русское правительство, в отличие от западноевропейских держав, объективно своими действиями оказывало помощь Румынии в борьбе за независимость. Россия была первой страной, которая согласилась пойти на упразднение особых прав своих консулов и подданных в княжествах и тем самым расширить сферу действия и увеличить престиж румынского правительства. Предоставляя румынским подданным права наибольшего благоприятствования и уравнивания их на территории империи в правах с подданными других независимых держав, Россия способствовала повышению международного авторитета Румынии и завоеванию его независимости.

Румынское буржуазно-помещичье правительство в результате давления со стороны враждебных русско-румынскому сближению кругов внутри страны, а также под нажимом Турции, Австрии и Франции колебалось в своем отношении к России и в вопросе о заключении с ней консульской конвенции. В начале 1868 г. оно стремилось заключить указанное соглашение и этим путем толкнуть западные страны на отмену консульской юрисдикции на территории княжеств, а также опасалось, что, заключив соглашение с Россией, потеряет поддержку со стороны западных держав. Поэтому, ведя переговоры с Россией, румынское правительство стремилось начать переговоры и с западными странами и временами тормозило заключение консульского соглашения с Россией. Лишь неудача переговоров с западными странами и изменения в составе румынского правительства привели к заключению русско-румынской конвенции 1869 г.

Е. Е. ЧЕРТАН

КУ ПРИВИРЕ ЛА ЫНКЕЕРЯ КОНВЕНЦИЕЙ КОНСУЛАРЕ РУСО-РОМЫНЕ ДИН АНУЛ 1869

Резумат

Пе база унор материале де архивэ, ыи чя май маре парте инедите, ауторул елучидязэ уна динтре етапеле ынсемнате але луптей диплома-тиче а Статулуй ромын пентру индепенденцэ — история тратативелор русо-ромыне, привитоаре ла ынкееря конвенцией консуларе дин анул 1869.

Спре деосебире де ролул позитив, пе каре институтул консулар ыл жукасе ын Молдова ши Валахия ла сфыршитул секолулуй XVIII, ла мижлокул секолулуй трекут ел а девенит о педикэ ын дезволтаря економикэ ши политикэ а Принципателор. Ку целул ликвидэрий дрептурилор немэржините але консулилор стрэинь гувернул ромын фаче ынчеркаря де а ынтрепринде тратативе ку унеле стате еуропене. Русия а примит пролуэря делегацией ромыне, венитэ ла Петербург, сэ ынчапэ тратативеле пентру ынкееря конвенцией консуларе ку Принципателе

Проектул конвенцией консуларе, елаборат ын прочесул тратативелор, ынчепуте ла 25 априлне 1868, ера фоарте конвенабил пентру Ромыния. Реешинд дин причипнул речипроцитэций, проектул, принтре алтеле, преведя имунитатя дипломатикэ а консулилор ромынь ын Русия ши лимита журидикция екстраординарэ а консулилор Русией фацэ де супуший рушь, афлэторь ын Принципате. Ынсэ ситуация интернационалэ нефаворабилэ а фэкут ка гувернул рус сэ пропунэ унеле скимбэрь ла проект.

Ноул проект, искэлит ла 22 ноембрие 1869, ну май куприндя пунктул деспре репрезентаций дипломатичь ай Ромынией ын Русия. Ын скимб а фост лимитатэ журидикция консулилор Русией фацэ де супуший рушь, афлэторь ын Принципате, се пуния капэт дрептулуй де екстериторналитате ши имунитате фискалэ а ачестора, яр супуший ромынь се букурау ын Русия де дрептуриле нацией челей май фаворизате.

Ынсушь фаптул тратативелор русо-ромыне, концинутул ши кяо форма проектулуй конвенцией консуларе доведеск, кэ ын мод объектив, прии акциуниле сале гувернул рус шь-а адус апортул ла лупта дипломатикэ а Ромынией пентру индепенденца националэ.

⁹⁶ Memoriile, v. V, p. 49.

⁹⁷ N. Iorga, Correspondence, p. 47.

⁹⁸ I. C. Filitti, ук. соч., стр. 30.

А. Э. НОВАК

ОТКЛИКИ В РУМЫНИИ НА СОБЫТИЯ 9 ЯНВАРЯ 1905 г. И НА АРЕСТ А. М. ГОРЬКОГО

События 9 января 1905 г. оказали непосредственное влияние на развитие рабочего движения в Румынии. Они явились толчком к усилению революционной борьбы. Широкий отклик на них в Румынии показал солидарность румынских рабочих с русским революционным движением.

В Румынской Народной Республике вышел ряд статей, посвященных рассматриваемой теме. В частности, в статье М. Роллера¹ справедливо отмечается, что выступления рабочего класса в знак солидарности с русской революцией способствовали росту рабочего движения в Румынии. Однако, на наш взгляд, М. Роллер преувеличивает значение митинга бухарестских рабочих от 24 января 1905 г., посвященного протесту против расстрела 9 января. На митинге «румынские рабочие твердо уверовали в социализм»², пишет он в своей статье. Трудно предположить, чтобы после одного митинга рабочие сразу уверовали в социализм.

Высоко оценил значение событий 9 января для румынского рабочего движения и историк М. Думитру³. Он писал, что румынские рабочие демонстрировали свою солидарность с русским пролетариатом и свою ненависть к палачу Николаю II⁴.

Важным источником для написания данной статьи явилась румынская рабочая печать того времени, в частности газеты «Ромыния Мунчитоаре» («Рабочая Румыния») и «Вяца Мунчитоаре» («Рабочая жизнь»). В них содержится богатый материал о митинге протеста бухарестских рабочих против варварского расстрела петербургских рабочих в день 9 января 1905 г. Некоторые интересные сведения содержатся и в демократической буржуазной печати (газеты «Диминьяца» и «Газета Молдовой»). Немаловажное значение имеют документы и материалы, опубликованные в журналах «Красный архив» и «Интернациональная литература». Они иллюстрируют единство интересов международного пролетариата, единство взглядов трудящихся и передовой интеллигенции в вопросе об отношении к аресту А. М. Горького, рисуют горячие симпатии всего прогрессивного человечества к великому пролетарскому писателю. Об этом же рассказывают материалы Архива внешней по-

¹ М. Роллер. Влияние первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов на революционное движение в Румынии. Информационный бюллетень, № 2, 2.1.1955.

² Там же, стр. 4.

³ Matei Dumitru. Răscoala depe cuirasatul «Potemchin» și acțiunea muncitorilor din România pentru ajutorarea potemchiniștilor. «Studii», nr. 2, 1952.

⁴ Там же, стр. 114.

литики России (АВПР). В статье использованы документы Центрального государственного музея Октябрьской революции (ЦГМОР) и Центрального государственного архива МССР (ЦГА МССР), дающие возможность детально осветить ход митингов солидарности румынских рабочих. Сообщения бухарестской тайной полиции и префектуры полиции, а также других заинтересованных правительственных учреждений использованы в статье после их тщательной критической оценки.

Кровавое злодеяние царизма 9 января вызвало протест и возмущение всего передового человечества. Исполнительный комитет Международного социалистического бюро выпустил воззвание «К рабочим всех стран». В нем говорилось: «Борьба, которую ведут русские рабочие, является борьбой рабочих всего мира, а враг, который угнетает русских рабочих — царизм, является врагом всего человечества»⁵. Исполнительный комитет призвал рабочих всех стран всеми способами содействовать освободительному делу русских рабочих.

Кровавая расправа царизма над петербургскими рабочими вызвала во всем мире волну демонстраций солидарности с угнетенным русским народом. Вся прогрессивная печать клеймила позором кровавые действия Николая II. Бурю негодования вызвало это злодеяние и в сердцах румынских трудящихся. Бухарестский рабочий кружок «Румыния Мунчитоаре» в знак солидарности с борьбой русского пролетариата призвал рабочих к массовому протесту против дикого произвола царизма. Кружок обратился к рабочим с воззванием, в котором разоблачалась кровавая деятельность царизма. «Рабочие, — говорилось в воззвании, — требовавшие своего права на жизнь, были зверски расстреляны слугами царской тираннии. Тысячи рабочих заплатили жизнью за то, что посмели думать о лучшей жизни..., но русский народ не останется в долгу. Вот почему сегодня повсюду гремит клич: «Долой царизм!»⁶. Далее в воззвании говорилось, что клич «Долой царизм!» с улиц Петербурга был подхвачен всеми цивилизованными странами. Этот клич перешел границы России, и везде пролетариат требует в один голос: «Долой царизм!». Авторы воззвания продолжали: «И мы вместе со всем цивилизованным миром протестуем против зверств 9 января... Протестуем против посягательств на права и свободы народа!»⁷. Воззвание заканчивалось словами: «Долой царскую тираннию! Долой русское самодержавие!»⁸

Воззвание призывало бухарестских рабочих собраться 24 января 1905 г. в зале «Бэйле Ефорией» (самом большом зале города) на митинг протеста против кровавого злодеяния царизма. Это воззвание, вспоминает активный революционный деятель того времени академик Барбу Лэзеряну, было расклеено на всех заборах столицы, было отправлено на все фабрики и ремонтные мастерские⁹.

Румынское правительство приняло все меры к тому, чтобы помешать рабочим провести митинг. Улицы вокруг здания «Бэйле Ефорией» были оцеплены полицией, а все подходы закрыты. В самом здании находились агенты полиции. Газета «Румыния Мунчитоаре» писала по этому поводу: «Треповы нашей страны собрали множество бродяг, так называемых агентов, которые получили указание сделать все возмож-

⁵ «Искра», № 85, 27 января 1905 г.

⁶ ЦГМОР, ф. Л7—2Д, д. 30855/13.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I.1955.

ное, чтобы помешать проведению митинга, а инициаторов избивать»¹⁰. В день 24 января 1905 г. у здания «Бэйле Ефорией» собралось несколько тысяч человек. Полиция оказалась бессильной помешать рабочим провести митинг и была вынуждена отступить.

Год спустя газета «Румыния Мунчитоаре» опубликовала воспоминания участника этого митинга, в которых говорилось, что «надежды полиции найти среди нас людей, которые убегут перед опасностью, не оправдались. Полиция встретила людей, которые не отступили ни на шаг... Рабочие стали стеной перед полицией»¹¹.

Зал, вмещавший до двух тысяч человек, был переполнен. Многие рабочие остались на улице. Один из очевидцев писал в рабочей газете, что «около помещения, где проходил митинг, стояло несколько тысяч человек. Энтузиазм присутствовавших в зале распространялся и на находящиеся на улице. Крикам «ура» не было конца. В глазах у всех было желание борьбы»¹².

В своих выступлениях на митинге руководители передовых рабочих и организаторы митинга, члены кружка «Румыния Мунчитоаре» И. К. Фриму, А. Анагносте, А. Константинеску и другие с радостью приветствовали начало русской революции. И. К. Фриму, ссылаясь на пример русской революции, говорил в своей речи: «Завтра слова Маркса о том, что ни труд без хлеба, ни хлеб без труда, станут в нашей стране религией рабочего класса»¹³.

С большим воодушевлением приняли участники митинга резолюцию, выражавшую восхищение героизмом русского пролетариата, торжественно объявлявшую о солидарности румынских рабочих с русским рабочим классом, и обещали ему свою братскую поддержку. Рабочие приветствовали «героев-борцов, которые жертвуют своей жизнью за свободу народа. Они придают мужество и воодушевляют всех рабочих-социалистов на энергичную борьбу до тех пор, пока царизм не будет свергнут»¹⁴. Резолюция заканчивалась призывом: «Долой царский деспотизм!» Это был лозунг, отражавший настроение и чувства румынских рабочих, лозунг, звавший румынских трудящихся к революционной борьбе.

Митинг бухарестских рабочих 24 января 1905 г., как уже отмечалось, сыграл значительную роль в истории румынского революционного движения. Он послужил исходным пунктом к началу нового подъема рабочего движения в Румынии. «24 января останется незабываемым днем в истории рабочего движения Румынии»¹⁵, — оценивали современники это событие. Митинг 24 января был первым митингом солидарности с русской революцией. О нем долго и с гордостью вспоминали румынские рабочие¹⁶.

¹⁰ «România Muncitoare», nr. 48, 29.I. 1906.

¹¹ Там же.

¹² «Viața muncitoare», 31.I. 1906.

¹³ «Dimineața», nr. 26, 26.II. 1905.

¹⁴ «Documente din mișcarea muncitorească (1872—1916)». București, 1947, p. 314.

¹⁵ Там же, стр. 313.

¹⁶ 22 января 1909 г. рабочие Бухареста решили ежегодно отмечать день 24 января. ЦГА МССР, ф. 389, оп. I, св. 54, л. 2562, л. 54.

На митинге рабочих г. Бухареста 24 января 1910 г. рабочий Нае Жоржеску говорил о начале социалистического движения в Румынии под влиянием русской революции, о митинге солидарности с борьбой русских трудящихся и протеста против зверского расстрела петербургских рабочих 9 января: «В этот день, — говорил он, — мы убедились, что у рабочих имеется революционное сознание». ЦГА МССР, ф. 389, оп. I, св. 78, л. 3481, л. 52.

О международном значении русской революции, а также о значении событий 9 января 1905 г. для рабочего движения Румынии говорили на своем митинге рабочие

Митинги солидарности с революционным движением русского пролетариата и протеста против расстрела 9 января прошли в Яссах, Констанце, Бакэу, Крайове и других городах Румынии¹⁷.

Революционная пропаганда, развернувшаяся вокруг событий первой русской революции, способствовала вовлечению в борьбу за демократию, против помещичьего и капиталистического гнета новых масс трудящихся и приведению в движение всех демократических сил Румынии. Показателем этого является кампания протеста румынских рабочих и передовой интеллигенции против ареста великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького. Произведения А. М. Горького были широко известны в Румынии. Прогрессивные газеты и журналы печатали переводы различных его произведений и статьи о жизни и деятельности писателя¹⁸. Вместе со всеми прогрессивными людьми различных стран мира передовые люди Румынии в письмах, телеграммах, на митингах требовали немедленного освобождения Горького.

В тот же день, когда бухарестские рабочие проводили свой митинг протеста против расстрела петербургских рабочих, ясский кружок «Румыния Мунчитоаре», совместно с прогрессивной интеллигенцией города, выпустил воззвание, в котором подчеркивалось, что «Горький — это писатель, которого чтит все человечество. Он принадлежит не только России, но и всему человечеству... Горький — это слава, которой гордится все человечество, потому он наш, он принадлежит всем. Мы все выражаем гуманную солидарность, присоединяемся к голосу протеста цивилизованного мира и решительно требуем освобождения писателя»¹⁹.

Требую освобождения А. М. Горького, ясская газета «Газета Молдовей» писала: «Горький — это чувства русского народа, ... это Россия в действии»²⁰. Рабочие бухарестских типографий направили русскому царю письмо протеста против ареста А. М. Горького. Оно было напечатано в нескольких румынских газетах²¹. Подобное письмо было направлено и от имени румынских журналистов²². Профсоюз газетчиков Бухареста в телеграмме русскому правительству требовал «щадить жизнь и свободу великого писателя, который является честью не одной только русской нации, а всего человечества»²³. Ясский кружок «Румыния Мунчитоаре» в своей телеграмме писал, что рабочие города поддерживают «действия солидарности, начатые рабочим классом Румынии, и присоединяются к протесту против расправ над рабочими и арестов представителей интеллигенции во главе с Горьким»²⁴.

В связи с арестом А. М. Горького ясский Национальный театр 12 февраля показал пьесу «На дне»²⁵. До начала спектакля кружок «Румыния Мунчитоаре» провел митинг, на котором рабочим было рассказано о жизни и деятельности «титана передовой литературы» —

г. Браилы 24 января 1915 г. Рабочая газета «Lupta» («Борьба») от 30.I 1916 г. писала: «Для румынских рабочих этот день был утверждением международной классовой солидарности с русской революцией». ЦГА МССР, ф. 189, оп. 1, св. 7, д. 65, л. 228.

¹⁷ «Studii», nr. 1, 1955, p. 35.

¹⁸ Там же, стр. 36.

¹⁹ «Dimineața», 28.I 1905.

²⁰ «Lupta de clasă», nr. 1, 1955, p. 73.

²¹ «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I 1955.

²² «Красный архив», № 9, 1925, стр. 36.

²³ «Studii», nr. 1, 1955, p. 36.

²⁴ «Dimineața», 26.I 1905.

²⁵ «Studii», nr. 1, 1955, p. 36.

А. М. Горького²⁶. Во время представления в зале театра была разбросана листовка, в которой разоблачался произвол царизма и объяснялись действительные причины ареста великого писателя. В листовке говорилось: «...этот гигант будил пролетариат России, организованных рабочих, начавших войну против царизма... Ни на минуту Горький не колебался, а встал вместе с революционной массой, и за это «преступление» он сегодня заключен в Петропавловскую крепость»²⁷. Листовка произвела большое впечатление на присутствовавших в театре. Она была проникнута самой искренней симпатией и любовью к русским революционерам, рабочим, интеллигентам, борющимся за освобождение России, за прогресс человечества. Листовка заканчивалась лозунгами: «Долой царизм! Да здравствует русская революция!»²⁸. Эти слова красноречиво свидетельствуют о том, что румынские рабочие теоретически связывали кампанию протеста против ареста А. М. Горького с русской революцией.

Кампания в защиту А. М. Горького в Румынии имела большое значение для дальнейшего роста рабочего движения. Она способствовала организации и сплочению рабочих. Листовки, собрания, митинги протеста против ареста А. М. Горького и других русских революционеров содействовали росту симпатий к русской революции и интереса к революционным идеям русской литературы. В связи с этим возрос интерес румынских рабочих и передовой интеллигенции к произведениям Пушкина, Толстого, Гоголя, Тургенева, Короленко, Чернышевского. Широкое распространение среди румынских рабочих получил роман Л. Толстого «Воскресение»²⁹.

Возрос интерес к русской революции и у передовых румынских писателей. Они пропагандировали революционные идеи русской прогрессивной литературы. Так, Барбу Лэзеряну, в то время молодой поэт-социалист, написал стихотворение «Deșteptătorul» («Пробудитель») ³⁰, в котором строфы оканчивались названиями произведений русских писателей («На дне», «Слепой музыкант», «Катерина», «Что делать?», «Кто виноват?», «Мертвые души» и др.)³¹. В этом произведении Барбу Лэзеряну, прославляя русскую революцию, писал:

Si datu-i sărmancei Rusie
Deacuma jug să nu mai poarte,
Un vânt frumos de înviere
Adie sufletele moarte³².

И бедной России
С этих пор нга не носить,
Приятный ветер воскресения
Обвевает мертвые души.

80 экземпляров указанного стихотворения успешно были распространены в 1905 г. в г. Ботошань. За пропаганду социалистических идей Барбу Лэзеряну был осужден в апреле 1907 г. к тюремному заключению³³.

²⁶ «Studii», nr. 1, 1955, p. 36.

²⁷ «Convorbiri sociale», nr. 4, 20.II 1906, p. 110.

²⁸ Там же.

²⁹ ЦГА МССР, ф. 389, оп. 1, св. 54, л. 2562, л. 14.

³⁰ «Studii», nr. 1, 1955, p. 23.

³¹ «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I 1955.

³² «Studii», nr. 1, 1955, p. 23.

³³ ЦГА МССР, ф. 389, оп. 1, св. 49, д. 2243, л. 1—2.

В течение 1905—1907 гг. в Румынии вышло немало литературных произведений, авторы которых прославляли русский революционный пролетариат. Так, в поэме «Россия Редевива» молодой поэт из Тыргу-Жиу Н. Бурлэнеску-Алини выражал свою ненависть к кровавому царизму и желал русскому пролетариату новых побед:

Trăiască luptătorii! 'Nainte cu poporul!
A lor e libertatea, a lor e viitorul!
Și dacă pentru «pace» va trebui «război»,
'Nainte, Ruși! 'Nainte...!³⁴

Да здравствуют борцы! Вперед с народом!
Им принадлежат свобода и будущее!
И если для «мира» нужна будет «война»,
Вперед, русские! Вперед...!

Таким образом, события начала русской революции нашли широкий отклик среди румынских трудящихся и оказали большое влияние на рост рабочего движения Румынии.

Одним из откликов на события 9 января в Петербурге был выпуск 27 января 1905 г. специального номера газеты «Jos despotizmul» («Долой деспотизм»), целиком посвященного происходящим в России событиям. Активное участие в подготовке номера приняли Шт. Георгиу и И. К. Фриму. Газета вышла под лозунгом: «Протест против резни в России»³⁵.

«Во всем цивилизованном мире поднимается грозный голос протеста. Международный пролетариат демонстрирует свою солидарность с теми, кто томится под пятой царизма», — читаем в одной из корреспонденций, помещенных в газете³⁶. В этом же номере был отпечатан манифест бухарестского кружка «Румыния Мунчитоаре», в котором говорилось, что «трудящиеся Румынии объединяются с международным пролетариатом, чтобы выразить свою солидарность с теми, кто борется... Все побуждения, все восхищение пионерам революции. Пусть их попытки увенчаются полным успехом. Пусть их кровь послужит восходом свободы для самого угнетенного народа. Да здравствует международный социализм!»³⁷ Номер газеты «Jos despotizmul» способствовал росту интереса к русской революции.

5 марта 1905 г., в день годовщины Парижской Коммуны, вышел первый номер газеты «Румыния Мунчитоаре», органа одноименного бухарестского кружка³⁸. Целью газеты являлись защита трудящихся, освещение положения и моральная поддержка рабочих³⁹. Выпуск этой газеты был обусловлен ростом рабочего движения, начавшимся в связи с движением солидарности с русской революцией. В программной статье первого номера «Наша роль» говорилось, что группа рабочих социал-демократов решила издавать рабочую газету, которая обязана защищать интересы своего класса — пролетариата. Она убеждена, что эти интересы могут быть защищены самим рабочим классом»⁴⁰. Далее

³⁴ «Studii», nr. 5—6, 1955, p. 147—150.

³⁵ «Documente din mișcarea muncitorească», p. 313.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, стр. 314.

³⁸ Попытка издания такой газеты была сделана еще в 1902 г., когда социалистический кружок в Бухаресте выпустил несколько номеров газеты «Румыния Мунчитоаре». Но эта попытка тогда не увенчалась успехом.

³⁹ ЦГА МССР, ф. 189, оп. 2, св. 4, д. 51, л. 156.

⁴⁰ «România muncitoare», nr. 1, 1905.

в статье говорилось, что «рабочий класс сможет завоевать власть, только освободив все человечество от капиталистического ига, через превращение частной собственности на средства производства в коллективную собственность, через социализм»⁴¹. Газета «Румыния Мунчитоаре» вела борьбу за социализм не только в интересах рабочего класса, но и крестьянства. В ней постоянно печатались материалы, связанные с арестом А. М. Горького, в которых указывалось, что произведения писателя оказывают большое влияние на всех и широко распространены как среди рабочих, так и среди интеллигенции»⁴².

Митинги протеста против расстрела петербургских рабочих и ареста А. М. Горького в 1905 г. сыграли большую роль в развитии революционного и общедемократического движения в Румынии.

В это же время румынские рабочие создали первые профсоюзы. 21 февраля 1905 г. в Бухаресте, под руководством И. К. Фриму, был создан первый профсоюз — плотников⁴³. Вскоре были созданы профсоюзы сапожников, столяров, печатников, табачников, строителей и другие. К августу 1908 г. в Румынии уже насчитывалось 39 профсоюзов, объединявших до 4700 членов⁴⁴. Профсоюзы ставили перед собой задачу защиты интересов трудящихся, они, как говорилось в их программе, «основывались на принципе классовой борьбы».

Митинги протеста против расстрела петербургских рабочих дали сильный толчок забастовочному движению в Румынии. Если в 1900—1905 гг., по данным румынских историков, состоялось в стране не более 10 забастовок, то в течение одного 1905 г. по неполным данным имело место более 20 забастовок⁴⁵. Бастовали рабочие промыслов «Стяуа Ромыне» в Кымпине, судостроители, столяры и обойщики Турну-Северина, портовые рабочие и швейники Галаца, рабочие табачных фабрик и обойщики Бухареста, рабочие городов Плоешть, Рымникул-Сэрат, Ботошань, Сулина, Турну-Мэгуреле и др. Помимо экономических требований рабочие выдвигали и политические: свободу собраний, организаций, всеобщее избирательное право, ликвидацию корпораций и создание профсоюзов, 8-часовой рабочий день. Рабочее движение в 1905 г. по сравнению с движением предыдущих лет сделало заметный шаг вперед.

В 1906 г. рабочее движение получило дальнейшее развитие. Начало года было отмечено митингами, посвященными первой годовщине расстрела петербургских рабочих 9 января 1905 г. По призыву бухарестского кружка «Румыния Мунчитоаре» 8 января 1906 г. в зале «Бэйле Ефорней» на митинг собралось более трех тысяч рабочих и работниц⁴⁶. Зал был переполнен. Народ заполнил и улицы вокруг здания. Политических было много, но они стояли в стороне и не решались препятствовать проведению митинга. «Они, — писала газета «Румыния Мунчитоаре», — хорошо помнили прошлогодний урок, данный им рабочими во время митинга 24 января 1905 г.»⁴⁷.

О митинге 8 января 1906 г. в статье «Наше торжество» та же газета писала: «Незабываемые минуты величественного подъема пережили все те, которые приняли участие в нашем грандиозном митинге в

⁴¹ «Documente din mișcarea muncitorească», p. 315.

⁴² «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I.1955.

⁴³ «Народная Румыния», № 5, 1955, стр. 28.

⁴⁴ «Documente din mișcarea muncitorească», p. 334.

⁴⁵ «Studii», nr. 1, 1955, p. 38.

⁴⁶ ЦГМОР, ф. 17—2Д, л. 30855/13.

⁴⁷ Там же.

зале «Бэйле Ефорией»⁴⁸. Приветствие в честь русского пролетариата, борющегося за свободу, произнес один из руководителей рабочих И. К. Фриму. «Сознательные рабочие Румынии, — говорил он, — объединенные вокруг кружка «Ромыния Мунчитоаре»,... отметили годовщину 9 января... Пример русских революционеров воодушевил и придал смелость рабочим всех стран, и он же воодушевил и нас»⁴⁹. И. К. Фриму подчеркивал международное значение русской революции, ее значение для рабочего движения в Румынии. Тепло были встречены слова оратора о солидарности румынского пролетариата с русским революционным движением. «Эта солидарность, — говорил Фриму, — не только моральная, но и материальная, ибо повсюду производятся многочисленные пожертвования в помощь русским товарищам»⁵⁰. Участники митинга выразили уверенность в том, что румынские трудящиеся выполнят революционный долг по отношению к русским рабочим.

На митинге выступил и секретарь Генеральной Комиссии профсоюзов Румынии А. Константинеску. Он говорил, что воздействие «русской революции является грандиозным, охватывающим и не может быть остановлено такими пигмеями, как представители румынских властей»⁵¹.

С большим подъемом участники митинга приняли резолюцию, в которой признавали, что борьба русского пролетариата против самодержавия является борьбой трудящихся всего мира, что с уничтожением царизма падет самая сильная опора капитализма во всем мире, что его падение означает падение последней цитадели политической и правительственной реакции»⁵². В резолюции была выражена уверенность в том, что героическая борьба русских рабочих не пройдет даром, что «она явится ничем иным, как прелюдией социальной революции, ступенью жестокой классовой войны, которая начнется в скором будущем и освободит от капиталистического ига всех трудящихся»⁵³. Лозунги резолюции: «Долой самодержавие! Да здравствует международный социализм!» — выражали чаяния румынских трудящихся.

На имя участников митинга были получены многочисленные телеграммы от рабочих Ясс, Плоешт, Кымпины и др. Газета «Ромыния Мунчитоаре» сообщала, что в этих телеграммах рабочие Румынии приветствовали русских революционных рабочих»⁵⁴.

После митинга был организован сбор денег в помощь русской революции»⁵⁵.

Многолюдный митинг, посвященный первой годовщине «Кровавого воскресенья», провели 9 января 1906 г. рабочие г. Ясс. Они с огромным вниманием слушали доклад Екатерины Арборе «Революция в России и ее задачи»⁵⁶. В своих выступлениях ясские рабочие тепло отзывались о героической борьбе русского пролетариата. Они прославляли русскую революцию и выражали свою солидарность с русским революционным пролетариатом, передавали русскому народу слова восхищения и выражали уверенность в «близкой победе над царской тирани-

⁴⁸ ЦГМОР, ф. Л7—2Д, л. 30855/13

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² «Русско-румынский музей». Бухарест, 1950, стр. 78.

⁵³ ЦГМОР, ф. Л7—2Д, л. 30855/13.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I 1955.

⁵⁶ ЦГМОР, ф. Л7—2Д, л. 30855/13.

ей»⁵⁷. Резолюция митинга заканчивалась словами: «Да здравствует русская революция! Да здравствует русская социал-демократия!» После митинга ясские рабочие организовали сбор средств в пользу русской революции. Неделю спустя ясский кружок «Ромыния Мунчитоаре» провел еще один митинг, на котором рабочим было подробно рассказано о революционной борьбе русского пролетариата»⁵⁸.

Митинги, посвященные первой годовщине кровавого воскресенья, состоялись также в Браиле, Галаце⁵⁹, Турну-Северине⁶⁰ и других городах. Всюду румынские рабочие заявляли, что они «объединяются разумом и чувством с братьями по труду в России»⁶¹.

Кроме митингов проводились собрания, печатались и распространялись листовки, посвященные русской революции. Митинги и собрания в 1906 г. были более многолюдными, чем в 1905 г. Это говорит о том, что революционное движение быстро росло и ширилось. Большой размах, что в прошлом году, получило забастовочное движение. В 1906 г., по данным М. Роллера, в одном только Бухаресте имело место 56 забастовок⁶². Бастовали обувщики, шорники, мебельщики, рабочие табачных фабрик. Впервые бастовали почтовые рабочие. По сведениям бухарестской сигуранцы, в Галаце в 1906 г. было 24 забастовки. Волновались также сельскохозяйственные рабочие уезда Яломица, докеры Турну-Северина, рудокопы Петрошан, обувщики Пашкан, рабочие Плоешт, Ясс, Кымпины и других городов. Проводились уличные демонстрации в Бухаресте и Яссах.

В августе состоялась первая конференция румынских профсоюзов, которая избрала единое руководство и обсудила важные вопросы рабочего движения. За один год борьбы, — писала газета «Ромыния Мунчитоаре», — сделано больше, чем за десять лет агитации»⁶³.

В 1907 г. румынский пролетариат отметил вторую годовщину кровавого воскресенья. 21 января в зале «Бэйле Ефорией» состоялся митинг⁶⁴, на котором, в отличие от прошлогодних митингов, присутствовали делегации от рабочих Плоешт, Браилы и других городов. На митинге выступили Шт. Георгиу, Н. Коча и другие руководители кружков «Ромыния Мунчитоаре». Они говорили о борьбе рабочих, об укреплении профсоюзов, о том, что румынские рабочие от изучения революционной литературы переходят к действию⁶⁵. Такой же митинг, созданный местным кружком «Ромыния Мунчитоаре», состоялся 21 января в Яссах.

Таким образом, расстрел петербургских рабочих 9 января 1905 г. и арест А. М. Горького вызвали мощную волну протеста против дикого произвола царизма. Митинги и демонстрации, посвященные протесту против расстрела русских рабочих, способствовали заметному усилению революционной борьбы румынских трудящихся. Румынские рабочие начали издавать свою газету, стали выдвигать политические требования. Вот почему они с гордостью вспоминают первые свои митинги солидарности с русской революцией.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ «Contemporanul», nr. 3(433), 21.I 1955 г.

⁵⁹ «Documente din mișcarea muncitorească», p. 352.

⁶⁰ «Studii», nr. 1, 1955, p. 50.

⁶¹ «România Muncitoare», 15.I 1906 г.

⁶² «Scinteia», 27.I 1955 г.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЦГА МССР, ф. 189, оп. 2, св. 14, л. 251, л. 1.

⁶⁵ Там же, св. 11, л. 164, л. 1.

А. Э. НОВАК

ЕКОУЛ ЫН РОМЫНИЯ АЛ ЕВЕНИМЕНТЕЛОР ДЕ ЛА 9 ЯНУАРИЕ 1905 ШИ АЛ АРЕСТЭРИИ ЛУИ А. М. ГОРКИЙ

Резумат

Пе база пресей мунчиторешть ромыне дин аний 1905—1906 ауторул скицяэ таблоул ачелуй лутерник рэсунет, пе каре евениментеле де ла 9 януарие 1905 ши арестаря луй А. М. Горкий л-ау авут ын рындуриле саменилор мунчий дин Ромыния.

Довадэ грэитоаре а ачестуй фапт ыл конституе митингул де протест ал пролетариатулуй букурештян дин зиуа де 24 януарие 1905, ла каре ау партиципат кытева мий де мунчиторь. Мощнуя де протест, адоптатэ ла митинг, се ынкея ку кувинтеле «Жос деспотизмул царулуй».

Митингурь де солидаризаре ку лупта пролетариатулуй рус ау авут лок ын нумеросе ораше дин Ромыния (Яшь, Констанца, Бакэу, Крайова ши а.).

Дупэ арестаря луй А. М. Горкий де кэтре полиция царистэ черкул ешан «Ромыния мунчитоаре», мунчиторий типографинлор букурештене ши газетарий капиталей протестязэ ку хотэрыре ымпотрива самоволничней царулуй. Театрул национал дин Яшь пуне ын сченэ пиеса луй Горкий «Ла фонд».

Ын время ачаста креште мулт интересул опинией публиче дин Ромыния пентру литература русэ прогресистэ. Я амплоаре мишкаря гривистэ ын центреле индустриале (Букурешть, Галаць, Петрошань, Кымпина).

Мэсуриле организаториче, адоптате де прима конферинцэ а синдикателор ромыне (аугуст 1906), ау авут о ынрыурире биннефэкэтоаре асупра дезволтэрий де май департе а мишкэрий мунчиторешть дин Ромыния.

Е. М. ПОДГРАДСКАЯ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О ВОЛОШСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В ЗАПАДНЫХ КАРПАТАХ

Вышедший в 1959 г. труд известного чехословацкого историка Иосифа Мацурека «Волохи в западных Карпатах в XV—XVIII вв.»¹ посвящен, в основном, истории волошской колонизации в горных районах Моравии и западной Словакии. В работе, состоящей из четырех глав, освещаются следующие вопросы: первая фаза волошской колонизации в Карпатах во второй половине XV и первой половине XVI вв., хозяйственные и общественные тенденции в западных Карпатах во второй половине XVI и начале XVII вв., волошская колонизация в период Тридцатилетней войны, хозяйственное и общественно-развитие после Тридцатилетней войны (до начала XVIII века) и соответствующая фаза волошской колонизации и др.

В своем труде автор стремится нарисовать картину колонизационного процесса на территории юго-западной Польши, северо-западной Словакии, южного Тешина и восточной Моравии, показать развитие волошской колонизации, четко определить ее направление, взаимоотношения волохов и местного населения. Он стремится проследить, насколько повлиял прилив нового этнического элемента на экономику и на изменение языка местного населения. Большая часть работы посвящена исследованию «волошского права». Молдавских историков, безусловно, заинтересуют такие вопросы, как причины волошской колонизации, способ производства у волохов, «волошское право», классовая дифференциация в волошских селах и т. п. Волошская колонизация Молдавии в XIV—XVI веках проводилась также выходцами из Трансильвании. Переселенцы-волохи приносили в Молдавию те же трудовые навыки, те же формы общественного устройства и, соответственно, те же правовые институты, что и в Словакию и Моравию. Поэтому исследование правовых институтов волошских колонистов в этих местах в известной мере поможет изучению «волошского права» в Молдавии.

Для историков Молдавии представляет большой интерес выяснение причин волошской колонизации. Как известно, в XIV—XVI веках волошские переселенцы продвигались на восток — на территорию Молдавии, на север — в Западную Украину и на запад — в Словакию и Моравию.

Первый документ, упоминающий о проникновении волохов на территорию Словакии и Моравии, относится к 1426 г. (стр. 56). Волошская

¹ Josef Macurek. Valaši v západních Karpátech v 15—18 století. Ostrava, 1959.

колонизация продолжалась и в XVI веке, когда она достигла значительно больших размеров, чем в предыдущем столетии. В этот период в Словакии и Моравии феодалы — владельцы крупных поместий с целью увеличения доходов от своих земель стремились продвинуть границы хозяйств как можно дальше в горы. Они заставляли крестьян вырубать леса и высвободившиеся таким путем земли использовали под пастбища, а в более удобных местах — под пашни. Этот процесс освоения местным населением новых горных земель автор называет подсечной колонизацией. Волошское переселение в эти края совпало именно с периодом подсечной колонизации. Владельцы крупных феодальных поместий охотно принимали переселенцев, которые обладали трудовыми навыками в освоении гористых земель, горном скотоводстве и переработке продуктов животноводства. Уже источники первой половины XV века говорят о том, что тренчанские феодалы (северо-западная Словакия) приглашали волохов-переселенцев (стр. 59, 89).

Однако было бы неправильным объяснять волошскую колонизацию одним лишь стремлением западнокарпатских феодалов использовать волохов для освоения горных земель. Причины, вынуждавшие волохов к переселению, были гораздо более существенными. Переселение волохов из центральных Карпат далее на запад было связано с количественным ростом волошского населения и с его способом производства материальных благ. Нехватка пастбищ вынуждала волохов-скотоводов продвигаться в новые районы, все дальше в горные местности, чтобы обеспечить стада подножным кормом. Постоянные поиски новых пастбищ, широкое распространение сезонных перегонов скота на большие расстояния приводили к тому, что волохи отправлялись на новые места без учета границ, не только отдельных феодальных владений, но и государственных (стр. 58—59)².

На переселение волохов оказали влияние также господство турок в Подунавье и Семиградье, турецко-татарские набеги в 50—60 гг. XVI века на земли, лежащие у подножья центральных Карпат. Результатом этих набегов было уничтожение многих селений, жители которых, спасаясь от бесчинств турок и татар, переселялись дальше на запад (стр. 106).

Советские историки, исследующие крестьянское антифеодальное движение в XV—XVI вв., считают, что главной причиной, которая вызвала волошскую колонизацию, является усиление феодального гнета в Восточной Европе, в частности в Западной Украине и Молдавии, где в это время шел бурный процесс экспроприации общинного землевладения и превращения крестьян-общинников в крепостных³.

Понятно поэтому, что волохи охотно переселялись в края, где у них сохранялись прежние льготы, где они могли жить по «волошскому праву». Инициатива феодальных властей Словакии и Моравии в продвижении волохов на эти земли не подлежит сомнению. Однако проявилась эта инициатива тогда, когда феодалы на практике удостоверились в

² С идентичным явлением встречаемся мы и в истории Молдавии. Волошские пастухи гнали свои стада на горные пастбища, расположенные иногда и на территории Венгрии, а зимой спускались в долины и степные районы, достигая подчас берегов Черного моря и Дуная. Такая практика отгонного животноводства сохранилась в некоторой мере еще и в XIX веке. Для сезонных пропусков пастухов (мокан), перемещавшихся со своими стадами, в XIX в. существовали особые пограничные правила.

³ См.: Е. Дракохруст. Галицкое Прикарпатье XVI века и движение опришков. «Вопросы истории», 1948, № 1, стр. 35—36, 49—51; Н. А. Мохва. Восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг. Известия Молдавского филиала АН СССР, № 3—4(11—12), 1953, стр. 17, 31—33.

пользе, которую могут принести волошские переселенцы в освоении высоких горных местностей. С этого-то времени, не колеблясь, власти предоставляли им индивидуальные и коллективные льготы с тем, чтобы привлечь сюда как можно больше волохов (стр. 104). Подсечная колонизация, осуществлявшаяся местным населением, доходила только до определенной высоты, в то время как волошская колонизация достигала наиболее высоких горных областей. Тем самым волошский способ хозяйствования оказался ценным средством для освоения горных земель и реализации пастбищных ресурсов. Поэтому волошская колонизация была явлением положительным (стр. 215). Что же касается вопроса о том, откуда переселялись волохи в западные Карпаты во второй половине XVI — начале XVII вв., И. Мацурек считает, что переселенцы шли, главным образом, из польской (западной. — Е. П.) Украины и из Молдавии (стр. 99).

Автор уделяет должное внимание хозяйству волохов, особо отмечая наиболее характерные его аспекты. Волошский скот был очень вынослив и приспособлен к горным условиям. Из овечьего молока волохи изготавливали сыр, который считался лучшим делнкатесом, им угощали самых высокопоставленных гостей (стр. 356).

Волохи вывозили из Моравии в Словакию лошадей и соленую рыбу (стр. 63, 211). Широко распространено было среди волохов скорняжное дело и сукноделие, причем производство сукна и обработка кож достигали таких размеров, что феодальные власти ограничивали их, чтобы оградить таким путем интересы местного ремесленного населения. Это явление встречается в Тешине и других местах (стр. 110). Важные сукна было одним из наиболее характерных для волохов занятий. Так, в документе 1636 г., содержащем определение термина «волох», сказано, что это прежде всего тот, кто пасет волошский скот, изготавливает волошский сыр и валяет сукно (стр. 110).

Феодалы, привлекавшие волохов на свои земли, подтверждали им, что они будут жить по «волошскому праву». Как явствует из привилегии, дарованной в 1496 г. волохам осады Белая в междуречье Варинки, право это состояло в том, что волохи были освобождены от уплаты государственных налогов, а феодалу платили только волошскую дань. Волохи сохраняли свое управление, имели своих воевод (стр. 65). Местами должность воеводы была наследственной и до второй половины XVII в. переходила от отца к сыну (стр. 117). Волошские воеводы следили за горными пастбищами, судили и разбирали тяжбы, возникавшие во время пребывания в горах, собирали волошскую дань и вносили ее властям. До первой половины XVII в. они были представителями волошского коллектива, выступали от его имени, отчитывались перед ним. В некоторых случаях воевода сам принимал решения по различным вопросам, а в решении более важных дел участвовало волошское управление, состоявшее из 9 человек. Для решения же исключительно важных вопросов созывалась «громада», в которой участвовало большинство членов волошского коллектива. Руководством при решении тех или иных вопросов было «волошское право», основанное на древних обычаях (стр. 151, 152).

Интересно отметить, что волохи, поселившиеся в Западной Украине, основывали здесь села, получая от феодалов грамоты, сохранявшие их прежние привилегии⁴.

⁴ A. Stadnicki. O wsiach tak zwanych woloskich. Archiva Românească, vol. IV, Bucu- rești, 1865, p. 43.

Для историков Молдавии представляют интерес некоторые детали «волошского права», сохранившиеся в документах Словакии⁵ и Западной Украины⁶. Это, например, порядок судебного разбирательства, при котором участвовало или все село, или 9 специальных лиц (явление, известное в Молдавии), или собрание общины (стр. 151, 152), о чем молдавские документы ничего не сообщают.

В Молдавии в XV веке значительная часть крестьян также жила по «волошскому праву», общиной, оставаясь еще лично свободной. Если во главе волошских сел в Моравии и Словакии был воевода, то в Молдавии глава села назывался жуде, ватман или кнез. Власть кнеза, так же, как и западно-карпатского воеводы, обычно была наследственной. Важнейшей привилегией кнеза были его судебные права. Как судья, кнез получал определенную часть судебных доходов, которая в молдавских документах XV века называлась третинной⁷. К сожалению, в работе И. Мацурека не находим никаких сведений о доходах воеводы.

В Моравии и Словакии в конце XVII века волошский воевода, который некогда был олицетворением волошского самоуправления, фактически становится слугой феодала-землевладельца, связанным присягой перед феодальными властями. Воевода, как правило, имел большое имущество. В его обязанности входило следить за горами, заботиться об имуществе господ. В 60—80-х гг. XVII века воеводство уже не являлось наследственным. Сами феодальные власти назначали и смещали воевод, которые за свой труд получали определенное вознаграждение. Так, в Тешине воеводы получали за выполняемые ими функции не только натурой, но и деньгами; кроме того, они пользовались некоторыми хозяйственными льготами (стр. 295). Там, где волошский воевода выступал еще как защитник прав волохов, его имя в письменных прошениях волошских крестьян стояло перед подписями селян. Там же, где он был фактически на службе того или иного феодала, волошское село само на свой страх и риск защищало свои права. Но в XVI в. сама сущность «волошского села» менялась, и хотя наименование это еще употреблялось, бывшие привилегии волошских сел исчезли (стр. 300).

Собрания волохов — «громады» — проводились в связи с хозяйственными нуждами не менее двух раз в год: весной — во время выгона скота в горы, и осенью — во время пригона скота. Если встречалась необходимость, то «громада» созывалась и в другое время. «Громады» обсуждали хозяйственные и налоговые вопросы, вопрос о дальнейшем продвижении в горы и строительстве там шалашей, внутренние споры между волохами из-за пастбищ, налагали штрафы за невыполнение решений предыдущих «громрад», принимали меры против воевод, которые не соблюдали волошских интересов, и поднимали вопросы защиты интересов своего села по отношению к другим волошским селам (стр. 300). В Молдавии не сохранилось сведений о таких собраниях, но, при большой роли отгонного скотоводства, они, безусловно, существовали в какой-то форме и здесь.

На большом фактическом материале автор показывает, что в волошском селе все больше усиливалась классовая дифференциация. Уже в начале колонизации волохи не были однородной массой. В этот период решения принимали лишь наиболее зажиточные волохи. Часть волохов не имела ни скота, ни земли и шла поэтому работать порташа-

⁵ I. Macurek, ук. соч.

⁶ Е. Дракохруст, ук. соч., стр. 53—54.

⁷ Н. А. Мохов, ук. соч., стр. 33; А. Stadnicki, ук. соч., стр. 40, 43, 51.

ми, то есть охранниками феодальных замков, проводниками в горах и на дорогах. В результате усиления классовой дифференциации в XVII в. появляются более или менее привилегированные группы волохов, как-то: свободники, дворовые, льготные, оседлые. Все эти категории пользовались особыми правами и льготами, предоставляемыми местными властями. Из одного документа 1620 г. явствует, что свободники владели большим имуществом, нежели другие волохи, за известные службы или плату освобождались от налогов, которые платило волошское село (стр. 173, 200).

В первой половине XVII в. феодалы стремились заставить работать на своих полях также жителей волошских сел, которые были освобождены от полевых работ в пользу феодала. Нарушение известных прав и привилегий вызывало среди волохов большое недовольство. В этот период многие документы упоминают о действиях «волошских разбойников».

Ввиду того, что движение «волошских разбойников» росло и к нему присоединялось местное население, власти решили призвать на помощь социальную верхушку волохов. Для подавления действий «волошских разбойников» была организована стража из верных волохов («Положение» о верных и неверных волохах) (стр. 173, 200). Но «волохи-разбойники» угрожали, что уничтожат и отнимут имущество тех членов коллектива, которые пойдут в услужение к господствующему классу и будут принимать участие в подавлении движения. Результатом этих угроз было то, что количество завербованных «верных порташей» было очень незначительным (стр. 177).

Аналогичный процесс борьбы крестьян-волохов против попыток их закрепощения в XVI—XVII веках наблюдался и в Молдавии. Крестьяне, жившие по «волошскому праву», все больше и больше попадали в зависимость от отдельных феодалов. Реакцией на развивавшийся в Молдавии и западноукраинских землях процесс закрепощения крестьян-общинников было восстание украинских и молдавских крестьян под руководством Мухи в 1490—1492 гг., движение опришков на территории Галицкого Прикарпатья, гайдуков в Молдавии и др.⁸

Волошская дань, которую волохи уплачивали феодалу, не была одинаковой во всех западных Карпатах. Наиболее распространенными видами волошской дани были двадцатина и десятина. Так, например, в центральном Тренчанске волохи платили двадцатину от скота, от каждого ста штук овец давали по ягненку и головке сыру и кроме того должны были изготовлять гонт (стр. 173, 200).

На Фридецком хозяйстве в 1583 г. волохи отдавали владельцу от каждого 100 овец восемь. Кроме того, все село должно было поставлять каждый год 100 овец, за которые получало 25 злотых. Это была принудительная продажа по более низкой цене. Волохи выполняли особый обряд при выгоне овец весной на горные пастбища, в котором должны были участвовать все члены коллектива. Подсчет овец проводился также в соответствии с обычаем. Как правило, на этих обрядах присутствовали представители владельца, которых, согласно волошскому обычаю, надлежало хорошо угостить (стр. 177).

Хотя в Молдавии нет подобных описаний повинностей крестьян, живших по «волошскому праву», имеющиеся документы говорят о значительной схожести системы эксплуатации. Данные о повинностях западноукраинских сел, живших по «волошскому праву», подтверждают это. С XVI века, в связи с усилением эксплуатации крестьянства местны-

⁸ Н. А. Мохов, ук. соч., стр. 17—40; Е. Дракохруст, ук. соч., стр. 35—58.

ми феодалами и установлением турецкого ига, система обложения крестьян начинает претерпевать здесь все большие изменения. Данные, приводимые И. Мацуреком, будут для молдавских историков полезны главным образом в качестве сопоставительного материала по истории крестьянства Молдавии до XVI века.

В труде И. Мацурека, как и в приложенных документах, не находим упоминаний о повинностях в пользу воеводы. Этих данных нет и в Молдавии, но они имеются в документах, касающихся сел Западной Украины⁹.

К концу XVI века в Моравии и Словакии объем волошских повинностей увеличивался. Волохов заставляли строить загоны для господского скота, стричь скот, прясть шерсть, сторожить леса, ремонтировать замки (стр. 121). Некоторые волохи стремились избежать уплаты волошской дани, которая взималась прежде всего по количеству овец, и для этого переходили к выращиванию крупного рогатого скота, который вначале не облагался данью. Но вскоре волошская дань в размере 9 грошей от головы была распространена и на этот вид скота (стр. 148).

Интересны данные 1625 г., касающиеся четырех волошских сел Ликановского имения. Волохи здесь платили дань в следующем размере: в день ов. Яна — каждого двадцатого барана или овцу; имевшие свыше двадцати пяти овец должны были давать дополнительно одного барана на св. Яна и на пасху, кроме того, каждую пятидесятую дойную овцу с ягненок. Каждый волох, имевший более 100 овец, должен был, кроме вышеуказанной дополнительной дани, давать еще дижму в размере 1 злота. В первой половине XVII века, кроме уплаты волошской дани, волохи обязаны были сообщать пасти господский скот или давать взамен пастуха.

В документе от 1647 г. засвидетельствован перевод волошской дани на деньги. Так, в Тешине можно было за голову скота давать деньгами 27 грошей. Но в этом случае село обязано было поставить еще 40 голов скота для господской кухни (стр. 213).

Из сказанного явствует, что работа И. Мацурека «Волохи в западных Карпатах в XV—XVII веках» является ценным исследованием волошской колонизации в Моравии и Словакии. Ряд освещенных в ней вопросов представляют несомненный интерес для историков Молдавии, занимающихся исследованием «волошского права» на территории Молдавского феодального государства.

⁹ Е. Дракохруст, ук. соч., стр. 53—54.

¹⁰ А. Stadnicki, ук. соч., стр. 40, 43, 54.

А. К. МОШАНУ

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ РАБОЧЕГО КЛАССА РУМЫНИИ¹

Румынские историки-марксисты особое внимание уделяют истории рабочего класса своей страны, изучению его исторической роли в судьбах румынского народа.

Доктябрьская история рабочего класса Румынии отражена во многих научных статьях, опубликованных в периодических изданиях Академии наук РНР и Института истории партии при ЦК РРП, в отдельных брошюрах и сборниках статей, вышедших в РНР, а также в советской исторической литературе. Однако при исследовании этого периода истории румынского рабочего класса специалисты занимались в основном вопросами рабочего и социал-демократического движения. Что же касается вопроса формирования и развития рабочего класса, то до недавнего времени он не являлся предметом специальных исследований. Между тем, всестороннее изучение рабочего движения до 1917 г. не может быть достаточно глубоким без выяснения вопросов, связанных с данной проблемой.

Вот почему выход в свет в конце 1959 г. коллективной монографии «Из истории формирования и развития рабочего класса Румынии. До первой мировой войны» под редакцией известного румынского ученого Н. Н. КонстантINESКУ является значительным и отрадным явлением в румынской историографии.

Авторы монографии задались целью исследовать процесс формирования и развития рабочего класса Румынии до первой мировой войны, показать условия жизни и труда румынских рабочих и нарисовать картину жестокой эксплуатации, которой они подвергались². Формирование и развитие рабочего класса показано на широком фоне экономического развития страны.

Монография написана на основе большого и разнообразного фактического материала. Широко использованы авторами данные статистики, сообщения периодической печати того времени, а также отдельные труды буржуазных румынских историков и экономистов, освещавших со своих позиций некоторые аспекты отдельных вопросов, рассматриваемых в монографии. Неопубликованные архивные документы использованы в монографии в небольшом количестве.

¹ «Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România. Până la primul război mondial». Sub red. conf. univ. N. N. Constantinescu. Editura politică, București, 1959, 538 p.

² «Din istoricul formării și dezvoltării clasei muncitoare din România». В дальнейшем ссылки на страницу будут даваться в скобках в тексте.

Монография состоит из четырех частей. В первой части³ рассматриваются вопросы, связанные с распространением наемного труда в Румынских княжествах с середины XVIII века и до буржуазно-демократической революции 1848 г. Процессу формирования и развития рабочего класса в период с 1848 г. до конца XIX века посвящена вторая часть⁴ монографии. В третьей части⁵ анализируется переход капитализма в Румынии в стадию империализма, численный рост рабочего класса Румынии и описаны тяжелые условия его жизни и труда в период, предшествовавший первой мировой войне. Вопросу численного роста промышленных рабочих Трансильвании с 1848 г. до первой мировой войны посвящена последняя часть⁶ монографии.

Период с середины XVIII века до 1848 г. характеризуется зарождением элементов капиталистического способа производства и появлением наемного труда в условиях господства феодальных отношений. Вот почему развитие элементов нового способа производства в княжествах шло очень медленно и мучительно. К тому же серьезным тормозом в развитии капиталистического производства являлось турецкое владычество, со всеми присущими ему атрибутами: грабежами и произволом иноземных порабощенных, частыми войнами, монополией Османской Порты на экспорт важнейших сельскохозяйственных продуктов.

На основе большого фактического материала Н. Н. Константинеску показывает, что, несмотря на эти условия, столь мало благоприятствовавшие процессу первоначального накопления капитала и формированию лично свободных рабочих, «количественный рост элементов наемного труда... превратился в непреодолимую экономическую тенденцию» (стр. 68). Налицо были зачатки наемного труда и в сельском хозяйстве.

Приведенные автором факты опровергают утверждения буржуазного социолога Шт. Зелетина о том, что капиталистические отношения в Дунайских княжествах стали зарождаться только после Адрианопольского мира 1829 г. В монографии доказано, что после 1829 г. лишь убыстряется экономическое развитие в княжествах и укрепляются имевшиеся уже зачатки нового способа производства.

³ Первая часть, озаглавленная «Распространение наемного труда в Валахии и Молдавии с середины XVIII века до революции 1848 г. Условия труда и жизни рабочих», написана Н. Н. Константинеску и состоит из двух глав: гл. I — «Период с середины XVIII в. до Адрианопольского мира и Органических регламентов» (стр. 17—71), гл. II — «Период от принятия Органических регламентов до революции 1848 г.» (стр. 72—111).

⁴ Эта часть, озаглавленная «Ход процесса формирования и развития рабочего класса и условия его труда и жизни в Румынии в период с 1848 г. до конца XIX века», состоит из трех глав. Первые две главы — «Период от революции 1848 г. до 1864 г.» (стр. 119—142) и «Период от аграрной реформы 1864 г. до завоевания государственной независимости (1877)» (стр. 143—183) — написаны Н. Н. Константинеску. Третья глава — «Период от завоевания государственной независимости до конца XIX века» (стр. 184—262) — написана Н. Н. Константинеску, Тудором Паул и Ольгой Константинеску.

⁵ Третья часть, озаглавленная «Численный рост рабочего класса Румынии и условия его труда и жизни в период монополистического капитализма до первой мировой войны», написана Н. Н. Константинеску и состоит из следующих параграфов: 1. К вопросу формирования черт монополистического капитализма в Румынии (стр. 267—339); 2. Численный рост рабочего класса и его состав (стр. 330—369); 3. Условия труда и жизни рабочего класса в период с начала XX века до первой мировой войны (стр. 370—430).

⁶ Этот раздел, озаглавленный «К вопросу численного роста промышленного пролетариата Трансильвании после 1848 г. до первой мировой войны», написан Л. Вайдой и А. Эгедом и состоит из двух глав: гл. I — «Период с 1848 г. до конца XIX века» (стр. 433—478), гл. II — «Период с начала XX века до первой мировой войны» (стр. 479—536).

В 30—40-х годах XIX века вместе с ростом числа промышленных предприятий, среди которых появляются и предприятия, применяющие машины, возрастает и количество работающих на них людей. Так, если в 1830 г., по очень приблизительным подсчетам автора, в мастерских, основанных на простой капиталистической кооперации, и в мануфактурах работало около 5000—6000 наемных и полунанятых рабочих (стр. 68), то к 1848 г. количество их достигает примерно 11 000 (стр. 109). Однако рабочие были разбросаны по мелким предприятиям и в большей мере связаны с деревней, в которой сохраняли свое хозяйство. Некоторые из рабочих были феодально зависимыми людьми. Рабочий класс в это время находился в стадии эмбрионального развития и поэтому не представлял собой самостоятельной политической силы (стр. 107).

Во второй половине XIX века, после буржуазно-демократической революции 1848 г., в стране произошел ряд важных политических и экономических событий: объединение княжеств в одно государство и образование единого национального рынка (1859 г.), аграрная реформа 1864 г., представлявшая собой «особо важный момент в процессе первоначального накопления капитала» (стр. 143), завоевание государственной независимости. На конкретном фактическом материале авторы показывают, как все это способствовало более быстрому развитию капитализма в промышленности, а также в сельском хозяйстве. Более высокими стали темпы ввода в действие промышленных предприятий. По переписи 1860 г. в Объединенных княжествах числилось 12 867 «промышленных заведений». Правда, 90% упомянутых «промышленных заведений» находились на уровне простой капиталистической кооперации, притом $\frac{1}{5}$ их общего количества были размещены в селах (стр. 132—133). Отсюда становится понятным, почему абсолютное большинство рабочего класса до 1864 г. «не было полностью отделено от сельского хозяйства» (стр. 138).

Аграрная реформа 1864 г. способствовала постепенному устранению некоторых препятствий, стоявших на пути формирования наемных рабочих. Н. Н. Константинеску со всей определенностью доказывает, что она «явилась исключительно важным моментом в развитии капитализма» в Румынии (стр. 148), несмотря на то, что реформа, будучи проведена сверху, сохранила сильные феодальные пережитки, которые «самым серьезным образом мешали развитию промышленности» (стр. 158). После 1864 г. промышленность Румынии вступила в фазу более быстрого развития. Это относится в первую очередь к отдельным отраслям добывающей, а также к мукомольной, спирто-водочной и некоторым другим отраслям промышленности. Однако абсолютное большинство предприятий указанных отраслей попрежнему находилось на стадии простой капиталистической кооперации и мануфактуры, при явном преобладании первой. Машинная индустрия в этот период делала всего лишь первые шаги. С 1864 по 1877 г. значительно «возросло количество наемных рабочих в промышленности и на транспорте. Возросло также количество наемных рабочих в сельском хозяйстве» (стр. 175). Что касается фабричного пролетариата, то он в это время находился только в первоначальной фазе своего формирования (стр. 175). Абсолютное большинство промышленных и транспортных рабочих были выходцами из деревни. Наличие сильных феодальных пережитков и большая техническая отсталость приводили к необходимости привлечения квалифицированных рабочих из-за границы. В этой части монографии дается краткое описание положения рабочих и отмечаются зачатки их

борьбы против эксплуататоров накануне войны за государственную независимость.

Последняя четверть XIX века, как это вытекает из материалов, приведенных в последней главе второй части книги, характеризуется более высокими темпами развития фабричного производства. Так, если в 1866—1877 гг. в среднем в год вступало в число действующих по 8,2 предприятий, то в 1887—1893 гг. и в 1893—1906 гг. количество таковых соответственно возрастает до 14—18 (стр. 189). В 1901—1902 гг. в Румынии функционировало уже 500 фабрик и заводов (стр. 196).

Фактом первостепенной важности для социально-экономического и политического развития Румынии в последние два десятилетия XIX века явилось начало промышленной революции⁷. Авторы указывают, что 80-ые годы XIX века отмечены началом перехода к машинной индустрии не в одной-двух отраслях, как это было раньше, а в большинстве отраслей промышленности. Следовательно, заключают авторы, и в Румынии имел место процесс перехода от ремесленной и мануфактурной промышленности к машинной индустрии, то есть происходил процесс промышленного переворота (стр. 202—203). Как отмечают авторы, процесс промышленного переворота в Румынии, в отличие от идентичного процесса, происходившего в развитых капиталистических странах, начался очень поздно и происходил в стране экономически отсталой, в большой степени зависимой от иностранного капитала. Вот почему этот переворот осуществлялся «медленно, мучительно, иногда без достаточной органической связи между отраслями и на основе импортной техники» (стр. 203).

Большой интерес представляют данные о численном росте рабочего класса и об изменениях, имевших место в его составе в последние два десятилетия XIX века. Авторы указывают, что основным источником формирования пролетариата в конце XIX века продолжало оставаться крестьянство. Пополнялся рабочий класс также за счет разорившихся ремесленников и иностранных рабочих. Утверждения о том, что рабочий класс рос за счет разорившихся крестьян и ремесленников, правильные в своей основе, к сожалению, не подтверждены конкретными данными.

Рассмотрев динамику роста рабочего класса Румынии, общая численность которого в 1901—1902 гг. достигла 105 000 человек, авторы останавливаются на численном росте фабричного пролетариата, который «начал формироваться в Румынии еще до 1877 г. в связи с появлением отдельных фабрик и строительством железных дорог» (стр. 219). По приведенным авторами данным, численность промышленного пролетариата достигала к 1877—1878 гг. 2000—2500 рабочих, к 1893 г. фабричных рабочих было немногим более 7000, а в 1901—1902 гг. их насчитывалось почти 32 500 человек.

Должное внимание уделяется в монографии положению рабочих в последние два десятилетия XIX века. Богатый фактический материал дает читателю яркое представление о тяжелых условиях жизни и труда рабочих, об их безжалостной эксплуатации. Норма прибавочной стоимости в крупной покровительствуемой, непокровительствуемой и государственной промышленности составляла 192% (стр. 244).

В заключении второй части вкратце описывается рабочее и социалистическое движение, появление рабочей печати и проникновение марксистских идей в Румынию в конце XIX века.

В 900-х годах в Румынии обостряются противоречия между трудом и капиталом, в связи с чем классовая борьба приобретает более острый характер. Это было вызвано переходом капитализма в свою последнюю стадию — империализм, изучение которого имеет первостепенное значение для выяснения вопросов социально-экономического и политического развития страны. Исходя из важности этого вопроса, Н. Н. Константинеску уделяет значительное место вопросу становления империалистической стадии капитализма в Румынии (стр. 265—329). В отличие от других исследований, в которых утверждается, что империализм в Румынии стал пускать корни только после крестьянских восстаний 1907 г., в рецензируемой работе доказывается, что признаки высшей стадии капитализма наличествуют в экономике Румынии уже в самом начале XX века. В монографии указывается, что после мирового экономического кризиса 1900—1903 гг., которым была охвачена и Румыния, «монополистические объединения капиталистов в промышленности ...становятся одной из основ экономической жизни Румынии» (стр. 301). Имел место также процесс слияния банковского капитала с промышленным и образования финансового капитала. Автор указывает и на особенности развития империализма в Румынии, пронстекающие из экономической отсталости страны. В частности, Румыния не экспортировала, а импортировала капитал, она являлась объектом дележа между мировыми монополистическими объединениями, хотя идея захвата чужих территорий фигурировала и во внешнеполитических планах румынской буржуазии.

В начале XX века наблюдается дальнейший рост механизированной промышленности. С 1902 по 1915 г. мощности в обрабатывающей промышленности возросли более чем в два раза. Как и прежде, самой развитой отраслью обрабатывающей промышленности оставалась пищевая. За ней шли химическая (включавшая также и нефтеперегонные заводы) и деревообрабатывающая промышленность. Румыния продолжала оставаться без отечественной машиностроительной промышленности, что ставило ее промышленное развитие в полную зависимость от более развитых в техническом отношении стран.

В неразрывной связи с уровнем развития и структурой промышленности находилась численность и состав рабочего класса. Н. Н. Константинеску подсчитал, что накануне первой мировой войны число румынских рабочих в обрабатывающей и добывающей промышленности, на транспорте и в прочих отраслях (исключая сельскохозяйственных рабочих и рабочих деревообрабатывающей промышленности) достигло 263 629 человек (т. е. 6,5% активного населения страны), из которых фабричных рабочих было 70 000. В сельском хозяйстве насчитывалось около 400 000 рабочих (стр. 365). Говоря об источниках пополнения рядов промышленных и транспортных рабочих, автор указывает, что, помимо разорившихся крестьян и ремесленников, а также иностранных рабочих, в состав румынского пролетариата входили уже рабочие старших поколений и их наследники. Появление потомственных, кадровых рабочих является, как известно, одним из важнейших показателей формирования промышленного пролетариата. Однако автор, к сожалению, не уделил должного внимания этому вопросу, оставив свое указание о появлении потомственных рабочих недоказанным.

С вступлением капитализма в империалистическую стадию степень

⁷ Этот вопрос впервые подвергнут анализу в монографии О. и Н. Н. Константинеску, озаглавленной «Cu privire la problema revoluției industriale în România» вышедшей в 1959 г. в издательстве «Editura științifică».

эксплуатации румынских рабочих возросла. Как явствует из данных рецензируемой монографии, в первые годы XX века норма прибавочной стоимости равнялась 192%, а в 1915 г. 206% (стр. 411). Ухудшение материального положения, усиление эксплуатации и отсутствие политических прав толкали румынский пролетариат на путь упорной классовой борьбы. Из года в год, особенно после 1905 г., движение рабочих становилось все более мощным и организованным, несмотря на препятствия, чинимые оппортунистическими лидерами.

Четвертая часть монографии посвящена исследованию численного роста промышленного пролетариата Трансильвании в период капитализма до первой мировой войны. После революции 1848 г. и отмены крепостного права создались благоприятные условия для экономического развития Трансильвании, для роста ее промышленности и, соответственно, рабочего класса. Развернулась промышленная революция, которая в конце 60-х годов охватила всю индустрию. В монографии указывается, что появление фабричного пролетариата в Трансильвании и его концентрация на крупных предприятиях явились следствием развития таких отраслей крупной промышленности, как горная и металлургическая.

На основе статистических материалов в монографии подвергаются анализу различные аспекты роста рабочего класса, выясняется распределение его по уездам, городам, по отраслям производства, а также степень его концентрации.

Если в 1870 г. в Трансильвании был 99 251 рабочий, то в 1890 г. количество их возросло до 119 900 (стр. 471). В монографии отмечается, что по мере осуществления промышленного переворота, который в ряде отраслей, в том числе в металлургической и машиностроительной, закончился до 1900 г., происходили существенные изменения в численном соотношении между индустриальным пролетариатом и рабочим классом в целом. Так, «число рабочих крупной механизированной промышленности увеличилось в такой степени, что достигло почти половины общего количества рабочих. Значительно увеличилось и число постоянных рабочих, которые поколениями работали в промышленности» (стр. 478). Авторы справедливо подчеркивают значение роста постоянного элемента в рядах промышленных рабочих для усиления рабочего движения.

В заключении последнего раздела книги описывается борьба рабочего класса Трансильвании против капиталистической эксплуатации. В ходе классовых боев в 1890 г. была создана социал-демократическая партия Венгрии, которая имела свои организации и в Трансильвании. В монографии указывается, как по мере роста рабочего движения крепилась солидарность и революционные связи между пролетариями по обе стороны Карпат, что имело важное значение для воспитания трудящихся в духе пролетарского интернационализма и будущей совместной борьбы против общего врага.

Рецензируемая работа представляет собой, бесспорно, серьезный шаг на пути более глубокого, монографического исследования истории рабочего класса Румынии до первой мировой войны. Авторы с достаточной обстоятельностью проанализировали такие вопросы, как развитие экономики страны, в особенности промышленности, численный рост рабочего класса и экономическое положение последнего.

Но монография страдает, на наш взгляд, и отдельными (помимо уже указанных) недостатками. Судя по конкретному материалу, приведенному в ней, авторы придали исследованию проблемы формирова-

ния и развития рабочего класса односторонний характер. Они ограничили по существу изучением только численного роста рабочего класса. Что же касается таких вопросов, исключительно важных для изучения процесса складывания рабочих в особый класс капиталистического общества, как социальный состав рабочих, степень отрыва от земли, стаж работы и преемственность их труда в крупной механизированной промышленности, то они не были подвергнуты в монографии конкретному анализу. А такой анализ способствовал бы в значительной мере более глубокому изучению румынского рабочего и социал-демократического движения.

Не разрешен в монографии и вопрос периодизации истории рабочего класса Румынии до первой мировой войны. В основу периодизации истории рабочего класса авторы положили общенсторическую схему истории Румынии, о чем свидетельствует деление книги на части и главы. Но этапы формирования и развития рабочего класса, которые, как известно, определяются исторически возникшими формами промышленности, не совсем совпадают с периодами, отражающими отдельные ступени социально-экономического и политического развития Румынии в целом. В частности, период формирования фабричного пролетариата, обусловленный промышленным переворотом, не совпадает ни с одним отдельным общенсторическим этапом развития Румынии во второй половине XIX века. В то же время, значение этого периода в истории рабочего класса требовало его особого выделения. Авторы, придерживаясь только общей периодизации и абстрагируясь от специфики исследуемой проблемы, не делают этого, хотя и указывают, что «только с зарождением фабричного промышленного пролетариата можно говорить о том..., что начинается его (рабочего класса. — А. М.) история как таковая» (стр. 219—220).

Другим недостатком работы является то, что рабочее движение изложено в монографии слишком кратко и теоретически недостаточно глубоко. При рассмотрении борьбы рабочего класса в конце XIX — начале XX веков авторы не уделяют почти никакого внимания вопросу соединения румынского рабочего движения с научным социализмом.

Несмотря на отмеченные недостатки, рецензируемый коллективный труд румынских историков-марксистов имеет несомненно научно-популярное значение и является серьезной вехой на пути глубокого монографического исследования героической истории румынского рабочего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. С. Гросул, Р. В. Даниленко.</i> К вопросу об участии волонтеров из Дунайских княжеств в русско-турецкой войне 1806—1812 гг.	3
<i>К. П. Крыжановская, Е. М. Руссев.</i> О некоторых формах классовой борьбы задунайских переселенцев в Бессарабии в первые десятилетия XIX века	26
<i>Е. Е. Чертан.</i> Из истории заключения русско-румынской консульской конвенции 1869 г.	37
<i>А. Э. Новак.</i> Отклики в Румынии на события 9 января 1905 г. и на арест А. М. Горького	55
<i>Е. М. Подградская.</i> Новое исследование о волошской колонизации в Западных Карпатах	65
<i>А. К. Мошану.</i> Ценное исследование по истории рабочего класса Румынии	71

ИЗВЕСТИЯ

Молдавского филиала Академии наук СССР
№ 2 (80)

Редактор *Б. И. Вассерман*

Технический редактор *С. В. Тельпис*

Корректор *П. Ф. Филиппович*

Сдано в набор 19.III 1961 г. Подписано к печати 26.IV 1961 г. Формат бумаги 70X108¹/₁₆.
Печ. л. 6,85 Уч.-изд. л. 6,35 Тираж 500. АБ 03834 Цена 45 коп., з. 1109

Издательство „Штиинца“ Молдавского филиала Академии наук СССР,
Кишинев, пр. Ленина, 1

Типография издательства «Штиинца». Кишинев, Куйбышевский пер., 17.